Правосл. Обозрѣніе. 1880. Іюнь-Іюль.

31

ХАРАКТЕРИСТИКА

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАНЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Вопросъ о религіозно-нравственной жизни именно мусульманъ долженъ представлять для читателей духовнаго журнала интересъ уже потому одному, что онъ въ современной нашей литературѣ затрогивается очень рѣдко, чтобы не сказать, что совсѣмъ не обсуждается. Между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ для насъ и практическую и научную важность. Нашему отечеству выпала рѣдкая и нелегкая доля принять въ число своихъ разноплеменныхъ сыновъ большую массу мусульманъ, съ которыми мы близко живемъ очень давно, но о которыхъ знаемъ въ большинствѣ случаевъ не болѣе того, что имъ позволяется закономъ брать *семь* женъ и ѣсть лошадиное мясо, какъ бы взамѣнъ свиного.... (и то и другое, замѣтьте, не совсѣмъ такъ). Непростительно такое невниманіе къ столь многочисленной религіозной общинѣ. На практикѣ это невниманіе ведетъ къ заблужденіямъ очень важнымъ и невыгоднымъ для насъ. Вслѣдствіе своего незнанія мусульманской религіозно-нравственной жизни, мы часто судимъ объ этомъ предметѣ не только невѣрно, но и въ ущербъ себѣ, съ охотою повторяя все то, что въ своихъ интересахъ выдумываютъ заграничные наши совѣтники. Странно и грустно! Нѣмцы, французы и англичане учатъ насъ тому, что мы дол-

жны знать сами прежде нихъ и лучше ихъ. Такой серьёзный и важный въ государственномъ даже отношеніи вопросъ, какъ вопросъ о религіи мусульманъ, нашелъ себѣ нѣкоторый пріютъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ только въ Казанской духовной академіи и тамъ разсматривается преимущественно съ одной, исключительно миссіонерской точки зрѣнія, что̀ конечно для столь важнаго въ государственномъ смыслѣ вопроса недостаточно. „Ничто не можетъ такъ познакомить насъ съ человѣкомъ, какъ его религія.... для изученія еврея или магометанина, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, непремѣнно нужно изучить его религію, отъ нея зависятъ законодательный, политическій и общественный строй; она поселяется въ сердцѣ, направляетъ умъ... Фраза: *призваніе Россіи — просвѣщать Востокъ* не есть пустое выраженіе. Мы просвѣщаемъ его, расширяясь въ немъ, и нельзя еще опредѣлить границъ, гдѣ мы остановимся. Насъ толкаетъ въ Азію неизбѣжный ходъ историческихъ событій, даже противъ собственной воли". Такъ говоритъ почтенный русскій синологъ, профессоръ г. Васильевъ [1]). Другой современный русскій ученый историкъ, г. Бестужевъ-Рюминъ, также заявляетъ, что характеръ народа болѣе всего познается изъ его вѣрованій [2]). Нужно ли прибавлять что-нибудь къ сказанному? Не думаемъ, потому что ни одинъ серьёзный мыслитель ни древнихъ, ни новыхъ временъ не отрицалъ и не умалялъ того существеннаго вліянія, какое религія оказывала на жизнь ея исповѣдниковъ. Исторія убѣдительнымъ образомъ доказываетъ намъ, что никогда не было народа безъ религіи и что религія всегда оказывала на судьбу людей извѣстное, довольно сильное вліяніе,—налагала на народную жизнь, соотвѣтственно своимъ цивилизующимъ или враждебнымъ развитію человѣческаго духа элементамъ, неизгладимую печать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что религія и только религія можетъ уяснять *народной массѣ*, въ доступной для нея формѣ, отношенія людей къ божеству и уже этимъ путемъ, при отсутствіи науки, расширяетъ умственный горизонтъ народа, а возводя взоръ его

---

[1]) Религіи востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ (С.-Петерб. 1873 г.), стр. 1—3.

[2]) Русская исторія.

къ небу и поддерживая въ немъ надежду на лучшую будущность, религія указываетъ народу путь добродѣтели и нравственности и тѣмъ возвышаетъ его надъ видимою природою, по отношенію къ которой человѣкъ самимъ Провидѣніемъ призванъ быть господиномъ [3])... Поэтому правительства всѣхъ временъ и странъ всегда заботились о сохраненіи и утвержденіи въ народѣ лучшихъ религіозныхъ вѣрованій, о поддержаніи въ немъ простой и чистой вѣры въ Бога, внушающей человѣку чувства личной нравственности, а также справедливости и уваженія по отношенію къ ближнимъ, любви къ нимъ и готовности жертвовать для нихъ собою и своими интересами. Съ этимъ всѣ согласны; согласны ученые и государственные люди различныхъ направленій всѣхъ временъ. „Мы не знаемъ", говоритъ А. Ревиль (по поводу изданной Смитомъ въ Лондонѣ въ 1876 г. книги въ защиту ислама подъ заглавіемъ: „Mohammed and Mohammedanism"), что впередъ религіозныя установленія народовъ будутъ вліять на ихъ соціальное развитіе такъ же сильно, какъ въ прошедшее время. Нѣкоторые скорѣе думаютъ, что напередъ у болѣе передовыхъ (народовъ) политика и соціальныя учрежденія будутъ опредѣлять религіозныя тенденціи, а послѣднія не будутъ управлять первыми; но что бы мы ни предполагали относительно будущаго, изъ прошедшаго очевидно, что религія народа всего сильнѣе вліяла на строй цивилизаціи, какую онъ осуществилъ. И это религіозное вліяніе гораздо менѣе зависѣло отъ догматовъ и обрядовъ, чѣмъ отъ духа пониманія и проникновенія ею вещей" [4]). Согласны всѣ и съ тѣмъ, что христіанство имѣло неоспоримо благодѣтельное вліяніе на нравы, обычаи и общественные законы народовъ, принявшихъ ученіе Евангелія, какъ въ этомъ убѣждаетъ каждаго точное изслѣдованіе и справедливая оцѣнка историческихъ фактовъ. Евангеліе сообщило человѣку ученіе нравственности, вполнѣ отвѣчающее законамъ правды и человѣколюбія; поэтому истинная цивилизація составляетъ достояніе только христіанскихъ націй, которыя вмѣстѣ съ Евангеліемъ приняли новыя высшія основы жизни,

---

[3]) Быт. гл. I, ст. 26—29.

[4]) Revue des deux mondes. (Paris 1877 г.). T. XXII. Juillet, pag. 15 4. Un apologie anglaise de l'Islamisme.

изъ него узнали свое высшее призваніе и съ нимъ совершали свое истинно-человѣческое развитіе. „Великое и соціальное преимущество его (христіанства) состоитъ, говоритъ тотъ же авторъ, въ той недосягаемой высотѣ, на какой поставило оно свой идеалъ, постоянно возбуждая христіанина къ достиженію его. По меньшей мѣрѣ христіанство имѣетъ то отличіе, что оно всегда вдохновенно, стремится впередъ, не довольствуясь настоящимъ и страстно ищетъ лучшаго, что̀ дѣлаетъ его религіей прогресса и постояннаго обновленія“ [5]).

Рядомъ съ этимъ, неопровержимо засвидѣтельствованнымъ важнымъ историческимъ фактомъ, мы знаемъ и наблюдаемъ другой фактъ не малой важности, — фактъ упорнаго и замѣтнаго существованія на землѣ, рядомъ съ христіанствомъ и христіанской цивилизаціей, другой религіи и другой цивилизаціи, враждебныхъ первымъ двумъ. Разумѣемъ исламъ и развившуюся подъ его вліяніемъ мусульманскую культуру. Многихъ серьёзныхъ ученыхъ и государственныхъ людей смущаетъ въ этомъ фактѣ именно давность и постоянство его существованія, несмотря на противодѣйствіе ему со стороны христіанской культуры; другіе,—какъ бы желая быть оригинальными, доказываютъ прямо и рѣшительно, что для человѣчества или по крайней мѣрѣ для извѣстной его части, исламъ есть благодѣтельное учрежденіе; иные же наконецъ утверждаютъ вообще, что исламъ не только не хуже христіанства, но въ нѣкоторомъ отношеніи выше даже послѣдняго. Извѣстный авторъ *Исторіи умственнаго развитія Европы* Дж. В. Дрэперъ хочетъ убѣдить своихъ читателей, что исламъ своимъ ученіемъ такъ же хорошо удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ человѣческой природы, какъ и христіанство, и что для жителей Азіи и Африки ученіе ислама даже пригоднѣе, чѣмъ евангельское ученіе. Вотъ его слова: „Коранъ изобилуетъ прекрасными нравственными наставленіями и мыслями. Его изложеніе такъ отрывочно, что на каждой страницѣ найдешь правило, которое всякій одобритъ. Это отрывочное изложеніе даетъ множество текстовъ, изреченій и житейскихъ правилъ, совершенно полныхъ и пригодныхъ для обыкновенныхъ людей при каждомъ случаѣ жизни. Коранъ постоянно

---

[5]) Ibid.

настаиваетъ на необходимости молитвы, на милосердіи, милостыни, справедливости, постѣ, странствіи къ священнымъ мѣстамъ и другихъ добрыхъ дѣлахъ; говоритъ объ учрежденіяхъ, касающихся общественной и домашней жизни, о долгахъ, свидѣтельствѣ, бракѣ, дѣтяхъ, винѣ и тому подобномъ и въ особенности постоянно поощряетъ сражаться съ невѣрными и богохульными. Для азіатской жизни едва ли есть положеніе, въ которомъ бы изреченія изъ Корана не могли доставить приличнаго поученія, утѣшенія и поощренія. *Для азіатца и африканца такіе назидательные отрывки гораздо полезнѣе всякой систематической теологіи*“ [6]). Извѣстный арабистъ, германскій профессоръ г. Вейль въ концѣ своего *Историко-критическаго введенія въ Коранъ* говоритъ на туже тему: „нравственное ученіе Корана можетъ быть разсматриваемо какъ совершеннѣйшая часть этой достойной замѣчанія книги.... Нравственныя предписанія Корана пронизываютъ, какъ золотыя нити, всю ткань суевѣрія и обмана. Несправедливость, мстительность, надменность, высокомѣріе, ложь, лицемѣріе, сплетни, ругательства, насмѣшка, скупость, мотовство, распутство, суетность, чванство, недовѣрчивость и подозрѣнія объявляются нечестивыми пороками; а благотворительность, человѣколюбіе, скромность, снисходительность, терпѣніе и постоянство, довольство и чистосердечіе, честность, цѣломудренность, любовь къ истинѣ и миролюбіе и особенно довѣріе и преданность рекомендуются какъ богоугодныя добродѣтели“ [7]). Ренанъ утверждаетъ съ одной стороны, что исламъ есть религія трезвая и разумная и имѣетъ достаточно привлекательныхъ сторонъ для набожныхъ личностей, а съ другой приписываетъ этой религіи естественность, либеральность и серьёзность [8]) Подобно Ренану, Гаклюйя восхищается разумностію и есте-

---

[6]) Русск. перев. ч. I, стр. 281—282 (С.-Петерб. 1866 г.).

[7]) Historisch-kritische Einleitung in den Koran. Von. Dr. Gustav Weil. Bielefeld. 1844 г. Русскій переводъ этого сочиненія изданъ въ Казани въ 1875 году въ приложеніи къ VI вып. Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника.

[8]) Etudes d'histoire religieuse. Mahomet et les origines de l'Islamisme. Paris 1862 г. pag. 220 et 225. На основаніи этого этюда въ Иллюстрированной газетѣ за 1863 годъ была помѣщена въ №№ 22 и 23 ст. „Магометъ и происхожденіе ислама“.

ственностію ислама и говоритъ: „вмѣсто Бога вочеловѣчившагося, Мухаммедъ проповѣдуетъ Бога, воплощеннаго въ Коранъ книгу, *прогрессивное* (sic!) *ученіе которой никогда не падетъ отъ вліянія европейскаго просвѣщенія* [9]). Французскій профессоръ Бартелеми Сентъ-Илеръ, восхищаясь ученіемъ Мухаммеда, говоритъ, что оно во всякомъ случаѣ достойно похвалы, величайшаго и самаго законнаго уваженія, что оно здраво и безукоризненно [10]). Говорятъ также, что быстрое и широкое распространеніе ислама по Азіи, Африкѣ и Европѣ само собою указываетъ на внутреннюю состоятельность и полнѣйшую пригодность этой религіи для людей разныхъ странъ и народностей и т. д. и т. д.... Самымъ послѣднимъ по времени защитникомъ ученія ислама является англійскій ученый Р. Босфортъ Смитъ въ своей книгѣ: „Mohammed and Mohammedanism“ (London. 1876 г.), составленной изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ въ 1872 году и повторенныхъ въ 1874 году. По словамъ А. Ревиля, Смитъ видитъ въ оригинальной будто бы религіи Магомета одно изъ замѣчательныхъ произведеній религіознаго вдохновенія, свойственнаго человѣческому роду. Считая Мухаммеда великимъ геніемъ человѣчества, Смитъ ставитъ исламъ не только выше современнаго христіанства, которое, по его мнѣнію, значительно измѣнено и обезображено съ теченіемъ времени, но считаетъ его даже выше христіанства первенствующей Церкви. Въ глазахъ Смита, исламъ есть ничто иное, какъ *особая форма христіанства, приспособленная къ потребностямъ населеній восточной Азіи и Африки.* Справедливость своихъ воззрѣній онъ доказываетъ тѣмъ, что *исламъ распространяетъ между этими населеніями принципы христіанства и христіанскую мораль въ такой формѣ, какая можетъ быть принята и усвоена*

---

[9]) Histoire de l'islamisme et cet., par le Blanc. Hackluya, édit. 1852 г pag. 20, 135—137. Сочиненіе это было въ 1865 году издано въ русскомъ переводѣ П. Моренцомъ подъ заглавіемъ: „Исторія ислампзма“ соч. Фр. Гаклюйя. Цит. въ Миссіонер. противомусульм. сборникѣ, вып. XIV, соч. Е. Н. Воронца: „міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству“ (Казань, 1877 г.), стр. 7.

[10]) Mahomet et le Coran, par. I. Barthelemy Saint-Hilaire, 2-me edit. 1865 г. Preface, pag. XXI. Цит. въ названномъ сочиненіи г. Воронца.

ими, и что исламъ гораздо лучше успѣваетъ перерождать ихъ, чѣмъ самое христіанство [11]).

Сказаннаго достаточно, чтобы охарактеризовать взгляды нѣкоторыхъ ученыхъ Запада на исламъ и значеніе его для религіозно-нравственной жизни его исповѣдниковъ. Такіе взгляды, какъ ни кажутся они оригинальными на первый взглядъ, на самомъ дѣлѣ ничуть не оригинальнѣе собственныхъ словъ Корана, хотя этого ни одинъ изъ названныхъ выше авторовъ и не желаетъ, конечно, допускать. Что новаго, въ строгомъ смыслѣ слова, высказано въ приведенныхъ мнѣніяхъ, сравнительно съ явными и рѣшительными завѣреніями Корана о своихъ внутреннихъ достоинствахъ? Въ Коранѣ отъ имени самого Бога говорится, что ученіе этой книги есть превосходнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ, что исламъ есть лучшая религія въ мірѣ [12]); что въ Коранѣ Богъ исправилъ и завершилъ религіозныя вѣрованія человѣчества, проявилъ въ этой послѣдней формѣ религіи въ полнотѣ свои благодѣянія къ людямъ [13]), что поэтому Коранъ имѣетъ право на всемірное признаніе, не только какъ послѣднее и совершеннѣйшее откровеніе людямъ воли Божіей, но и какъ божественная энциклопедія, заключающая въ себѣ все и малое и великое [14]). Насколько справедливы такія невѣроятныя притязанія Корана — это другой вопросъ, который разбирать подробно въ данномъ случаѣ неумѣстно. Для нашей цѣли достаточно замѣтить здѣсь, что вышеприведенныя притязанія Корана—служить идеаломъ духовнаго развитія человѣчества и его образованности, т.-е. все то, что̀ хотятъ находить въ этой книгѣ защитники Мухаммеда и его ученія—и служитъ главнымъ тормазомъ развитія мусульманскихъ народовъ, которые, по естественной логикѣ, чѣмъ усерднѣе держатся своего религіозно-законодательнаго кодекса, тѣмъ болѣе погружаются во мракъ невѣжества, духовнаго рабства и дикости. Если судить о влія-

---

[11]) Revue des deux mondes, Iullet. 1877 г. Une apologie anglaise de l'islamisme, pag. 149. См. подробнѣе въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1878 г. ст. протоіерея Зарянскаго: „Апологія исламизма новѣйшей англійской работы“.

[12]) Гл. 39 ст. 24. Ср. гл. 4. ст. 124, гл. 3, ст. 17.

[13]) Гл. 5, ст. 5.

[14]) Гл. 34, ст. 3.

ніи ученія Корана и построенной на его ученіи религіозно-политической системы ислама на жизнь мусульманъ не *a priori*, а по тѣмъ послѣдствіямъ, какія вызываются этою системою, то окажется, что исламъ не способствуетъ свободному и правильному развитію человѣческаго духа, а стѣсняетъ его и лишаетъ возможности облагороженія и возвышенія до нравственной самостоятельности. Мы будемъ говорить здѣсь фактами, которые будутъ быть-можетъ убѣдительны и для русскихъ людей, стѣсняющихся говорить о щекотливомъ для нихъ вопросѣ изъ боязни прослыть въ современномъ нашемъ безпринципномъ обществѣ отсталыми людьми. Какъ въ самомъ дѣлѣ можемъ мы русскіе смѣть о такомъ крупномъ вопросѣ свое сужденіе имѣть, когда нѣмцы, французы и англичане давно уже поучаютъ насъ извѣстнымъ образомъ!....

Будемъ осторожны; обратимся къ состоянію нравственности и благочестія мусульманъ, какъ къ такимъ сторонамъ ихъ духовной жизни, которыя прежде и болѣе всего находятся подъ вліяніемъ религіи, отъ нея получаютъ свое направленіе, ею дышатъ и существуютъ. Обыкновенно говорятъ нѣкоторые даже русскіе и видные по своему государственному положенію люди, напримѣръ представители земства и высшихъ судебныхъ учрежденій, что нравственность у мусульманъ строга, устойчива и чиста, а благочестіе ихъ бросается въ глаза каждому, даже и неособенно наблюдательному человѣку... Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что послѣдователи ислама совсѣмъ не такіе безукоризненные въ религіозно-нравственномъ отношеніи люди, какъ ихъ часто незаслуженно представляютъ. Изъ своихъ наблюденій надъ религіозно-нравственною жизнію мусульманъ мы склонны вывести заключеніе, что они религіозное благочестіе полагаютъ въ религіозной обрядности и въ религіозномъ изувѣрствѣ, а нравственность—въ поступкахъ согласныхъ съ буквою Корана и шаріата, хотя ни первый, ни особенно послѣдній не могутъ похвалиться возвышенностію, гуманностію и чистотою своихъ требованій. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ фарисейски-лицемѣрное религіозное ханжество считать истиннымъ религіознымъ благочестіемъ, сумазбродство дервишей и шарлатанство ишановъ—высокимъ религіознымъ подвигомъ и слѣпое выполненіе безчеловѣчныхъ требованій за-

кона—чистою и возвышенною нравственностію. Кто по совѣсти рѣшится признать истинное человѣческое достоинство въ непомѣрной гордости мусульманъ, отличающейся чисто-религіознымъ характеромъ, въ ихъ высокомѣрномъ презрѣніи ко всему окружающему, что только не согласуется съ ихъ исключительно одностороннимъ взглядомъ на міръ Божій, въ ихъ глубокой ненависти ко всѣмъ немусульманамъ и особенно къ русскимъ, въ ихъ лживости, тщеславности, подозрительности, скрытности и т. п. нравственныхъ недостаткахъ, свойственныхъ массѣ мусульманскаго народа и незамѣчаемыхъ только въ единичныхъ личностяхъ или вѣрнѣе сказать—менѣе замѣтныхъ въ послѣднихъ? Константинопольскій турокъ, россійскій татаринъ, самаркандскій таджикъ, ташкентскій сартъ, кураминскій узбекъ считаютъ себя, несмотря на очевидную свою нравственную и политическую несостоятельность, выше всѣхъ людей въ мірѣ, какъ внушилъ имъ это, неспособствующее усовершенствованію человѣка, чувство Коранъ [15]) и неохотно, съ внутреннимъ насиліемъ для себя, оказываютъ видимыя знаки вниманія и уваженія немусульманину, котораго любить они *никогда* не могутъ по *точному и строгому* внушенію того же Корана. Коранъ внушительно запрещаетъ мусульманамъ дружиться и входить въ общеніе съ невѣрующими, запрещаетъ подъ угрозою болѣзненной муки, разумѣя въ томъ числѣ и христіанъ [16]). Поэтому мусульмане, когда бываютъ вынуждены политическими обстоятельствами оказывать вниманіе и почтеніе христіанамъ, то тѣмъ глубже ихъ презираютъ и только ждутъ удобной минуты выместить свое униженіе какимъ бы то ни было способомъ: ложью, обманомъ, бранью изъ-за угла и что всего чаще—необыкновенно дорогою цѣною всѣхъ предметовъ первой необходимости, которые мусульманамъ продаются *въ четверо* дешевле, чѣмъ немусульма-

---

[15]) Коранъ, гл. 3, ст. 106: *Вы самый лучшій народъ изъ всѣхъ, какія возникали среди людей.*

[16]) Коранъ гл. 5, ст. 56: „Вѣрующіе; не берите себѣ въ друзья ни іудеевъ, ни назарянъ; они—друзья другъ другу и кто изъ васъ подружится съ ними, тотъ навѣрное будетъ въ числѣ ихъ, а Богъ не руководитъ законопреступныхъ людей“. Ср. гл. 60, ст. 13; гл. 4, ст. 143; гл. 9, ст. 23. Въ гл. 4, ст. 137 говорится: „будетъ болѣзненная мука тѣмъ, которые избираютъ себѣ друзьями невѣрующихъ минуя вѣрующихъ“.

намъ, а иногда и того дешевле. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ выраженія Корана: *вѣрующіе—братья другъ другу* [17]) и *вѣрующіе и вѣрующія—друзья другъ другу* [18]) являются самымъ лучшимъ побужденіемъ къ тѣсному единенію мусульманъ, когда оно бываетъ направлено противъ немусульманъ, что̀ испытывали и испытываютъ на себѣ всѣ имѣющіе отношеніе къ мусульманамъ. Въ обыденной жизни отношенія мусульманъ къ немусульманамъ характеризуются болѣе наивными, чѣмъ серьёзными, но во всякомъ случаѣ несимпатичными чертами.

Отправьтесь вы на какую-нибудь народную потѣху среднеазіатскихъ мусульманъ, до которыхъ они большіе охотники: на скачку съ зарѣзаннымъ козломъ, котораго наѣздники вырываютъ другъ у друга на всемъ скаку; на бой перепелокъ или куропатокъ; на бой барановъ; на борьбу силачей; на гульбище съ музыкой и пляской мальчишекъ; на сборище, окружающее какого-либо разскащика; на представленіе комедіанта и т. д.,— словомъ на *тамашу* и попробуйте заговорить съ неизвѣстнымъ вамъ туземцемъ о предметѣ забавы... Если у васъ нѣтъ на плечахъ погоновъ, а на фуражкѣ краснаго околыша и кокарды, то рискуете вмѣсто отвѣта встрѣтить злобный взглядъ и молчаніе, соединенное съ презрѣніемъ къ вамъ. Трусливый туземецъ развѣ только посторонится, чтобы предоставить васъ самому себѣ и чтобы не имѣть съ вами никакого дѣла. Что презрѣніе чисто религіознаго свойства проявляется у мусульманъ къ немусульманамъ, въ этомъ никто не долженъ сомнѣваться. Объ извѣстномъ предводителѣ коканцевъ противъ русскихъ — Автобачи намъ разсказывали, что онъ на первыхъ порахъ избѣгалъ даже проходить по тѣмъ городамъ, какіе были уже заняты русскими, чтобы не осквернить даже своихъ сапоговъ. Мы слышали также отъ достовѣрныхъ туземцевъ, что въ разныхъ городахъ Средней Азіи до сихъ поръ еще есть такіе старики, которые поклялись умереть не видѣвши ни разу противныхъ имъ русскихъ лицъ, встрѣчи съ которыми они тщательно избѣгали и избѣгаютъ... Какъ бы ни объясняли такія чувства мусульманъ, а сказанное нами составляетъ фактъ, неподлежащій сомнѣнію.

[17]) Гл. 49, ст. 10.
[18]) Гл. 9, ст. 72.

Познакомьтесь съ какимъ нибудь туземцемъ Средней Азіи, пригласите его къ себѣ въ гости и разговоритесь съ нимъ о какихъ-нибудь самыхъ невинныхъ вещахъ; подозрительный мусульманинъ непремѣнно предположитъ, что вы злоумышляете противъ него что-нибудь недоброе... Мусульманинъ, не допускающій искренности въ себѣ по отношенію къ немусульманину, судитъ о послѣднемъ по себѣ и стоитъ немалаго труда успокоить его, воспитаннаго въ такихъ азіатскихъ традиціяхъ.

Попросите знакомаго муллу (книжника, ученаго) разсказать вамъ какую-нибудь легенду, загадку, пословицу, сказку,—мусульманинъ съ свойственною ему религіозною надутостію важно объявитъ вамъ, что такихъ пустяковъ онъ не знаетъ, что въ мусульманскихъ книгахъ писано все серьёзное, религіозное.... Но собесѣдникъ вашъ лжетъ, лжетъ по привычкѣ и съ умысломъ, чтобы дать вамъ понять, что мусульмане выше христіанъ и что исламъ есть превосходнѣйшая религія на землѣ.

Сидитъ у васъ за чаемъ гость мусульманинъ. Сначала онъ озирается, боится чего-то, а потомъ скоро оглядится и начнетъ самъ угощать себя вашимъ добромъ, ни мало не обращая на васъ вниманія, и пожалуй еще возьметъ изъ стоящаго на столѣ угощенія часть съ собой домой, напримѣръ сухарей, сахару и под. На прощанье онъ наговоритъ вамъ любезностей и непремѣнно напросится къ вамъ вторично въ гости и придетъ уже съ товарищемъ, а то и съ двумя. Во второй разъ вашъ старый гость развязенъ уже сразу и подталкиваетъ своего товарища быть такимъ же... На слѣдующій разъ онъ не сниметъ уже и своихъ галошъ, а чалму положитъ на самое видное мѣсто... Зачаститъ ходить къ вамъ мусульманинъ въ удобное и неудобное время и отлично подтвердитъ русскую пословицу „незваный гость хуже татарина“; онъ скоро и точно опредѣлитъ вашъ характеръ и привычки и будетъ просить у васъ какой-нибудь подарокъ, хотя бы единственныя ваши очки, увѣряя васъ съ клятвою, что ему очки крайне необходимы. Если вы вхожи къ начальству, то азіатъ будетъ упрашивать васъ похлопотать за него предъ начальствомъ и доставить ему какое-нибудь выгодное занятіе или мѣсто. Мы нѣсколько разъ видѣлись съ сартомъ-музыкантомъ. Во второй приходъ свой къ намъ онъ высказалъ такую просьбу: „напиши, говоритъ, пожа-

луйста, N,—скажи, что я у тебя былъ и очень тебѣ понравился; пусть N похлопочетъ, чтобы меня поставили аксакаломъ (старшиной) надъ всѣми музыкантами города. Тогда безъ меня не обойдется ни одинъ народный пиръ; меня обязаны будутъ приглашать всюду и мнѣ это будетъ выгодно". Разсчетливый мусульманинъ не пропуститъ ни одного случая, чтобы не извлечь выгоды изъ немусульманина...

Работаетъ у васъ поденьщикъ и проситъ васъ перемѣнить ему два рублевыхъ билета, составляющіе все его достояніе и потерявшіе всякую цѣну, потому что изорваны до-нельзя. Вы дѣлаете ему такую любезность и вечеромъ платите ему впередъ 20 к., давая ему вмѣсто 80 к., за два дня рублевый билетъ. Мусульманинъ клянется, что придетъ работать завтра и обманываетъ васъ, забывая вчерашнюю услугу вашу ему.

Но вотъ познакомится съ вами (чиновникомъ порядочнаго ранга) зажиточный мусульманинъ и сейчасъ же начнетъ хвастать своимъ знакомствомъ предъ своими единовѣрцами, стараясь при этомъ выставить въ глазахъ мусульманъ свое превосходство предъ вами и ваше непомѣрное вниманіе къ нему. Встрѣтивъ васъ случайно на улицѣ, въ виду толпы, онъ подбѣжитъ къ вамъ, скажетъ вамъ нѣсколько словъ и тотчасъ заявитъ, что у него сейчасъ много дѣла, почему онъ и не можетъ далѣе оставаться съ вами. Это онъ скажетъ умышленно громко, чтобы толпа его единовѣрцевъ слышала, какъ фамильярничаетъ съ вами, потому что считаетъ себя выше васъ.

Настоящій бай, первый богачъ и потому самый вліятельный человѣкъ въ городѣ добьется знакомства съ однимъ изъ большихъ русскихъ чиновъ того же города, не ниже полковника, а еще лучше если его удостоитъ своимъ вниманіемъ генералъ, хотя бы только по политическому разсчету. Бай начнетъ униженно упрашивать своего важнаго „пріятеля" пожаловать къ нему въ гости, хотя разъ въ жизни. По тому же снисхожденію согласіе генерала получено: назначенъ условный день и часъ. Богачъ, не говоря пока ни слова своимъ сосѣдямъ, приглашаетъ ихъ къ себѣ въ этотъ именно день, но пораньше условнаго часа, въ гости просто какъ хорошихъ сосѣдей. Гости сидятъ и угощаются у разсчетливаго сосѣда. Когда приблизится назначенный для пріема генерала часъ, тщеславный хозяинъ

съ достоинствомъ заявляетъ своимъ раболѣпнымъ гостямъ: „хотите, я сейчасъ пошлю за генераломъ N и полковникомъ N—и пріѣдутъ“! Гости невольно выражаютъ сомнѣніе... Тогда бай приказываетъ своимъ слугамъ скакать верхомъ къ названнымъ лицамъ и позвать ихъ въ гости... При этомъ хитрецъ даетъ понять своимъ слугамъ, въ чемъ дѣло, и тѣ отправляются просто по направленію къ домамъ ожидаемыхъ гостей... На дорогѣ они дождутся ѣдущихъ уже гостей и спѣшатъ заскакать впередъ и сказать своему владыкѣ, что какъ только передали они приглашеніе, такъ тѣ сейчасъ же приказали подавать лошадей и ѣдутъ къ уважаемому мусульманину. И дѣйствительно почтенные гости въѣзжаютъ на дворъ мусульманина къ удивленію всѣхъ собравшихся гостей. Русскихъ важныхъ гостей мусульманинъ приметъ по всѣмъ правиламъ своего азіатскаго этикета, угоститъ чаемъ и кумысомъ одновременно, леденцами, орѣхами, изюмомъ, дыней, бараниной и знаменитымъ палау (разваренный въ салѣ рисъ, приправленный перцомъ, морковью и пр.)... Выпроводивши дорогихъ гостей, мусульманинъ начнетъ хвастать предъ своими сосѣдями такимъ почетомъ у русскихъ важныхъ людей, которыхъ однако постарается посрамить за глаза, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свое мусульманское превосходство предъ злополучными и Богомъ осужденными кяфирами. Толпа слушаетъ и самодовольно поглаживая свои бороды, умиленно восхваляетъ Аллаха за такія милости его къ рабамъ своимъ. *Аллагу акбаръ! Аль-хамду лилля*! обыкновенно восклицаютъ мусульмане въ подобныхъ случаяхъ.

Пріѣзжаетъ въ городъ N, населенный татарами, важный, высокопоставленный чиновникъ и дѣлаетъ честь самому знатному въ городѣ татарину, какой чести не удостоиваются русскіе представители города. Татаринъ внѣ себя отъ радости и на другой день всѣ татары толкуютъ на эту тему... Самую любопытную сторону ихъ самодовольныхъ разсказовъ составляетъ обыкновенно наивное убѣжденіе, что такая честь потому и выпала на долю ихъ собрата по вѣрѣ и племени, что онъ мусульманинъ т.-е. изъ почтенія къ исламу.

Любитель просто, или оріенталистъ, изучая арабскій языкъ, начнетъ читать Коранъ въ подлинникѣ... Мусульмане тотчасъ же составятъ заключеніе, что христіанинъ арабистъ—мусуль-

манинъ въ душѣ и только держитъ одну личину христіанства. Если такой человѣкъ поѣдетъ на мусульманскій востокъ, то это значитъ для мусульманъ, что сердце его преисполнено благоговѣнія къ исламу и странамъ, гдѣ исламъ независимо продолжаетъ свое существованіе на „счастіе“ своихъ подданныхъ.

Если же мусульманинъ приметъ христіанство, то для бывшихъ его единовѣрцевъ будетъ обидно не то, что измѣнилъ вѣрѣ отцевъ, а то, что онъ перемѣнилъ превосходнѣйшую въ мірѣ вѣру на худшую, богоненавистную и будутъ утѣшать себя, что передъ смертію онъ снова сдѣлается мусульманиномъ, хотя бы только въ душѣ.—Короче сказать: искренніе мусульмане всѣ убѣждены, что каждый порядочный человѣкъ непремѣнно мусульманинъ въ душѣ, потому что человѣческая душа по природѣ мусульманка, а отцы дѣлаютъ своихъ дѣтей іудеями, христіанами и под.

Караульный солдатъ-турокъ разсматриваетъ Турецкую имперію на географической картѣ и готовъ приколоть учителя серба, указавшаго дѣйствительныя границы Порты, которыя оказались слишкомъ малыми въ сравненіи съ границами Россіи. Бѣдный учитель, спасая свою голову и жизнь, назначаетъ Турціи предѣлы во всю Европу и Азію—и самодовольный турокъ удовлетворяется...

Казанская татарка смотритъ картины въ панорамѣ и приходитъ въ невыразимый восторгъ при видѣ Константинополя, этого „самаго перваго для нея города въ мірѣ.“ Ей пятно на горизонтѣ картины, почти насквозь прогнившее и просвѣчивающее, кажется звѣздой особенной величины, какія звѣзды бываютъ только надъ Стамбуломъ...

На вопросъ: какой самый могущественный царь въ Европѣ? мусульманинъ отвѣчаетъ: турецкій султанъ, потому что его никто побѣдить не можетъ. Какъ столицу ислама, Богъ хранитъ Стамбулъ и никогда не даетъ его въ руки невѣрныхъ. Въ крымскую войну русскіе хотѣли взять Стамбулъ, а Богъ, по молитвамъ Мухаммеда, послалъ противъ русскихъ французовъ, англичанъ и пр. Въ войну 1877—78 годовъ русскіе были подъ стѣнами Стамбула, а войти въ него и завладѣть имъ не посмѣли. Стамбулъ невѣрные возьмутъ только предъ кончиной міра...

Для среднеазіатскихъ мусульманъ Бухара, до взятія русскими Самарканда, была также непобѣдима. Мусульмане вѣрили, что русскія войска еще въ дорогѣ ослѣпнутъ и потонутъ въ Зеравшанѣ, а Самарканда не возьмутъ... Вышло иначе.

Въ настоящее время, когда политическому могуществу ислама всюду и постоянно угрожаютъ серьёзныя опасности, наивные и самодовольные мусульмане продолжаютъ вѣровать, что передъ концемъ міра всѣ народы обратятся въ исламъ, что Іисусъ сойдетъ съ неба на защиту ученія Корана, побѣдитъ антимухаммеда (антихриста), женится и будетъ поучать людей забытому ими ученію ислама, чтобы приготовить ихъ къ будущей жизни въ столь сладостномъ раю...

Вотъ какихъ убѣжденій держатся мусульмане повсемѣстно. Они всѣ—богатые и бѣдные, знатные и незнатные, чиновные и нечиновные—думаютъ и вѣруютъ одинаково. Думающіе лучше болѣе серьёзно—уже не мусульмане, а законоотступники, своего рода нигилисты, хотя болѣе сдержанные, чѣмъ наши нигилисты... Мусульмане всегда себѣ на умѣ...

—

Приступая теперь къ характеристикѣ религіозно-нравственнаго состоянія и благочестія мусульманъ, этихъ *лучшихъ* людей въ мірѣ, исповѣдующихъ *лучшую* на землѣ религію, мы замѣтимъ предварительно, что благочестіе ихъ въ большинствѣ случаевъ и главнымъ образомъ наружное, безсмысленное, а у лицъ сознательно относящихся къ правиламъ вѣры религіозность составляетъ профессію. Ученые, имамы, казыи, ишаны и дервиши смотрятъ на религіозный обрядъ, какъ на средство къ жизни и даже къ обогащенію себя и къ пріобрѣтенію почета въ народной массѣ, а потому тщательно выполняютъ всѣ мелочи и тонкости религіознаго обряда, чтобы казаться благочестивыми. Народная масса въ самыхъ коренныхъ мусульманскихъ странахъ, безъ сомнѣнія, съ давнихъ поръ равнодушно относилась къ требованіямъ религіознаго закона и вызвала учрежденіе особыхъ должностей (*раисъ* и *куръ-баши*) для наблюденія за точнымъ, хотя опять-таки наружнымъ выполненіемъ постановленій ислама. Эти двѣ должности извѣстны съ давнихъ поръ во всѣхъ среднеазіатскихъ городахъ и упразднены въ настоящее время только

въ городахъ, покоренныхъ русскими. Въ Бухарѣ раисъ ежедневно объѣзжалъ городъ два раза верхомъ на лошади. Состоявшіе въ его распоряженіи чиновники должны были находиться около него и обыкновенно пѣшкомъ бѣжали попарно за его лошадью. Во время разъѣздовъ по городу раисъ заставлялъ встрѣчавшихся ему по дорогѣ мусульманъ читать краткое изложеніе главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ, такъ-называемый *фарзъ-гейнъ* и во время чтенія этого символа обязанъ былъ слѣзать съ лошади изъ почтенія къ словамъ символа. Незнающихъ символа раисъ имѣлъ право наказывать палками отъ 1 до 39 ударовъ. Онъ выѣзжалъ въ караванъ-сараи, заходилъ въ мелочныя лавочки, къ содержателямъ чайныхъ и т. п. лавочекъ и наблюдалъ, чтобы никто не оставался дома во время молитвы. Какъ только раздавался голосъ призывающій къ молитвѣ, помощники раиса съ неистовствомъ колотили палками лѣнивыхъ, чтобы возбудить въ нихъ расположеніе къ молитвѣ. Ближайшій надзоръ за нравственностію жителей раисъ возлагалъ на приходскихъ имамовъ и аксакаловъ, которые доносили ему обо всемъ. Курящаго кальянъ часто били палками. Имамы наблюдали также, чтобы мусульмане не придерживались немусульманскихъ обычаевъ, въ родѣ леченія огнемъ, празднованія Чаръшамби-сунни и т. д. Раисъ не только вмѣшивался въ семейныя дѣла мусульманъ, но и вывѣдывалъ, гдѣ есть красивыя женщины, на которыхъ потомъ и указывалъ эмиру, какъ на средство къ безнаказанному удовлетворенію дикаго произвола его необузданнаго сладострастія. Раисъ имѣлъ право входить въ училища и наблюдать, чтобы преподаватели (*мюдаррисы*) не примѣшивали къ исламу чуждыхъ ему идей. Ученыхъ, обвиненныхъ въ расколоучительствѣ, наказывали смертію. Даже городскіе мясники, обязанные убивать скотину съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, не иначе получали разрѣшеніе на свое ремесло, какъ удовлетворительно выдержавъ предъ раисомъ испытаніе. Съ закатомъ солнца власть раиса какъ бы прекращалась, но тогда вступалъ почти во всѣ его права другой блюститель нравственности, хуфтянъ-мирп-шабъ. Онъ главнымъ образомъ предупреждалъ разбои, грабежи и кражи. Въ то же время онъ наблюдалъ за общимъ спокойствіемъ города, чтобы безмятежный сонъ мусульманъ не нарушался шумными сборищами. Онъ аресто-

валъ всякаго, кто попадался ему на улицѣ послѣ вечерняго намаза и на утро представлялъ виновныхъ къ эмиру, который каждое утро производилъ на своемъ дворѣ, сидя подъ кровлей, судъ и расправу.

Хуфтянъ-мири-шабъ имѣлъ право насильственно войти въ тотъ домъ, откуда раздавались звуки пѣсенъ и музыки и могъ заключать въ тюрьму пирующихъ ночью. Команда его состояла изъ караульныхъ, разставленныхъ на всѣхъ перекресткахъ и вооруженныхъ ножами, а чаще палками. Они должны были подавать другъ другу вѣсть, ударяя въ бубны, и соединяться при звукахъ тревоги. Каждую ночь мири-шабъ дважды лично удостовѣрялся въ бдительности своихъ подчиненныхъ. Онъ ѣздилъ въ сопровожденіи 10 или 15 слугъ и когда ударялъ въ литавры, всѣ караульщики отвѣчали ему ударами въ бубны. Ему были подчинены тюрьмы и онъ былъ обязанъ каждую пятницу докладывать эмиру о состояніи заключенныхъ [19]).

Въ Ташкентѣ, во время Коканскаго правленія, для надзора за нравственностію мусульманъ, существовали два раиса [20]) и одинъ куръ-баши. Назначаемые изъ людей, отличающихся нравственными качествами и знаніемъ шаріата, раисы соединяли въ своемъ лицѣ власть религіозно-полицейскую.

Узнавая отъ приходскихъ имамовъ о нерадивыхъ въ отношеніи къ религіознымъ обязанностямъ мусульманахъ, раисы взыскивали съ нихъ за упущенія. Они должны были ходить по училищамъ, наставлять учащихся и убѣждать родителей воспитывать своихъ дѣтей въ строгихъ правилахъ ислама. При каждомъ раисѣ въ полномъ его распоряженіи находились десять *гирсанда*, т.-е. сыщиковъ, которыхъ онъ нанималъ на собственный свой счетъ. Старшій изъ нихъ назывался *хальфа*, т.-е. намѣстникъ и занималъ, въ отсутствіи раиса, его мѣсто. Всѣ десять человѣкъ гирсанда обязаны были постоянно находиться при раисѣ и сопровождать его во время его разъѣздовъ по городу. Когда раисъ ѣхалъ по городу верхомъ на лошади, гирсанда

---

[19]) Заимствовано почти буквально изъ ст. Н. В. Ханыкова „Управленіе въ средней Азіи“ помѣщенной въ журналѣ „Внутреннихъ Дѣлъ“ 1844 г. кн. 5, смѣсь, стр. 345—348.

[20]) По разсказамъ современниковъ, одинъ раисъ спеціально вѣдалъ ташкентскихъ сартовъ, а другой — пріѣзжающихъ въ городъ киргизъ.

должны были попарно бѣжать за его лошадью, держа въ рукахъ такъ-называемую *дару*, т.-е. широкій [21]) и толстый ремень съ короткою рукояткою, сдѣланный на основаніи точныхъ указаній шаріата, опредѣляющаго не только размѣръ ремня, но и составъ его. По шаріату дара должна состоять изъ трехъ ремней изъ шкуры одного животнаго, сшитыхъ вмѣстѣ [22]).

Способъ ударовъ дорой шаріатъ опредѣляетъ тѣмъ, что наказывающій не имѣетъ права отдѣлять во время удара локоть отъ груди. Провинившагося обнажали отъ шеи до поясницы и клали на землю; тогда одинъ человѣкъ садился къ нему на шею и начиналось наказаніе. Провинившимся женщинамъ натягивали на спинѣ платье, на ноги надѣвали мѣшокъ (капъ), клали также на землю и отсчитывали назначенное раисомъ число ударовъ. Своимъ правомъ раисы пользовались въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе что, по шаріату, всѣ ненаказанные ими грѣхи должны были въ будущей жизни пасть на голову раисовъ.

Въ базарные дни раисъ ѣздилъ верхомъ на лошади по базару, сопровождаемый 10-ю гирянда и смотрѣлъ за сохраненіемъ благочинія и порядка. Такъ же, какъ и въ Бухарѣ, онъ заставлялъ читать встрѣчающихся ему мусульманъ фарзъ-геинъ и наказывалъ не знавшихъ этого символа. Онъ разбиралъ жалобы жителей на обмѣръ и обвѣсъ торговцевъ, наблюдалъ за вѣсами, запрещалъ употребленіе охмѣляющихъ напитковъ и наказывалъ пьяныхъ. Хлѣбниковъ, дѣлающихъ очень маленькія лепешки, онъ наказывалъ на мѣстѣ. Не оставлялъ онъ безъ наказанія и всѣхъ тѣхъ, кто ходилъ по улицѣ или по базару безъ чалмы [23]). Точно также онъ требовалъ, чтобы женщины на улицахъ закрывали свое лицо и волосы особой волосяной черной сѣткой (чарда), и руки прятали подъ халатъ, накинутый на голову посверхъ чарды. Только нищія женщины могли безнаказанно не закры-

---

[21]) Около трехъ пальцевъ.

[22]) Ремень этотъ былъ очень упругъ, и ручка слишкомъ коротка, такъ что со стороны дору можно было принять за палку, какъ и г. Ханыковъ, безъ сомнѣнія, счелъ дору за палку, когда говоритъ, что раисъ наказывалъ палкою.

[23]) Особенно доставалось отъ раиса киргизамъ, которые изъ страха наказанія навертывали на свою голову или платокъ, или кушакъ, чтобы имѣть на головѣ нѣкоторое подобіе чалмы.

вать своего лица, если никто не подавалъ имъ узаконенной шаріатомъ чадры. Мужья и жены имѣли право, по шаріату, обращаться къ раису по дѣламъ совершенно конфиденціальнаго свойства. Если кто нибудь изъ мужей не исполнялъ своихъ супружескихъ обязанностей отъ того, что у него много женъ, то раисъ требовалъ, чтобы мужъ по крайней мѣрѣ раздѣлялъ ложе съ жалующеюся женою въ назначенный ей по шаріату день. Если же это происходило отъ истощенія силъ мужа, то раисъ предлагалъ развести супружескую чету, въ его присутствіи. Жена также могла жаловаться раису на мужа, если онъ дурно ее содержалъ, и справившись съ шаріатомъ, опредѣлялъ, какъ жена должна быть содержима. Развратной женщинѣ, говоря словами одного ташкентскаго раиса, „*не дают пить, пъсть, одѣваться, бьютъ ее, и губятъ такимъ образомъ раньше опредѣленной ей Богомъ смертной казни*“. *Куръ-баши*, котораго можно назвать ночнымъ раисомъ, состоялъ въ полномъ подчиненіи у бека, и потому назначался послѣднимъ изъ числа самыхъ надежныхъ людей. Въ Ташкентѣ полагался одинъ Куръ-баши. Въ его вѣдѣніи состояло 44 „мершаба“ обходныхъ. Изъ того числа, 4 человѣка назывались *юзъ-баши* (сотникъ) и каждый изъ нихъ командовалъ однимъ десяткомъ мершабовъ. Куръ-баши со своими подчиненными послѣ вечерняго намаза, т. е. послѣ 8 часовъ вечера, обходилъ съ мершабами улицы и забиралъ бродягъ. Въ такое время, по мнѣнію азіятъ, „*всѣ хорошіе люди сидятъ по домамъ, и по улицамъ бродятъ только тѣ, у которыхъ въ головѣ вѣчно что-нибудь дурное*“. Если куръ-баши захватывалъ въ ночное время мужчину съ женщиною или пьянаго, то обязанъ былъ не смотря на позднее время донести объ этомъ беку. Если же случалась въ городѣ покража ночью, куръ-баши, послѣ донесенія беку, производилъ розысканіе. (Если же кража произведена днемъ, розыскъ производился раисомъ и аксакаломъ). Куръ-баши обязанъ былъ также наблюдать, чтобы никто не игралъ въ игры, запрещенныя шаріатомъ, напримѣръ въ орлянку, весьма распространенную въ г. *Ташкентѣ* и т. д. [24]).

---

[24]) Кромѣ того куръ-баши считалъ своею обязанностію брать всѣхъ арестуемыхъ и опускать ихъ въ глубокую бутылкообразную яму, предавать палачу осужденныхъ на смерть и присутствовать при исполненіи казни. См.

Кромѣ такихъ полицейскихъ мѣръ, направленныхъ къ искорененію пороковъ въ мусульманахъ и къ утвержденію въ нихъ благочестія, средне-азіатскіе мусульмане постоянно находились подъ нравственнымъ вліяніемъ своихъ приходскихъ имамовъ и пользуются до настоящаго времени возбужденіями нравственнаго свойства. Разумѣемъ многочисленныхъ проповѣдниковъ, которые постоянно ходятъ по городу, особенно по базару, и разсказываютъ народу разныя душеспасительныя исторіи о святыхъ мужахъ ислама, начиная съ Мухаммеда и Алія и кончая туркестанскимъ святымъ Ходжей Ахмедомъ Яссави и о чудесахъ совершенныхъ ими во время своей жизни и по смерти. Въ числѣ такихъ проповѣдниковъ можно встрѣтить старыхъ и молодыхъ, жирныхъ и тощихъ, апатичныхъ и энергичныхъ. Иные изъ нихъ обладаютъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и собираютъ около себя большія массы слушателей. Обыкновенно слушатели образуютъ кружокъ, посрединѣ котораго расхаживаетъ проповѣдникъ, разсказывая речитативомъ или на распѣвъ чудесныя исторіи. Въ патетическихъ мѣстахъ проповѣдникъ размахиваетъ руками и ударяетъ себя въ грудь по голому тѣлу. Потъ градомъ льетъ съ проповѣдника, пришедшаго въ экстазъ, голосъ его охрипъ, глаза налились кровью, а онъ, освѣживши себя нѣсколькими глотками теплаго чаю, какой подаютъ ему слушатели изъ сосѣдней лавки, снова продолжаетъ свое иступленное распѣваніе, сопровождаемое иногда плачемъ. Толпа внимательно и съ чувствомъ благочестія слушаетъ проповѣдника постоянно выражая ему свое удивленіе: но какъ только онъ приблизится къ аминю и пригласитъ слушателей воскликнуть *аллаху* акбаръ! (Боже—великій!), то слушатели отступаютъ въ сторону, потому что за этимъ благочестивымъ концемъ слѣдуетъ обыкновенное выпрашиваніе денегъ. Простодушные киргизы гораздо выгоднѣе для такого проповѣдника, который съумѣетъ иногда, въ продолженіи одного разсказа, собрать съ своихъ слушателей чеки (мѣдная мелкая монета) нѣсколько разъ.

ст. „Управленіе Ташкентомъ при Коканскомъ владычествѣ“ приложен. къ проэкту положенія о военно-народномъ управленіи въ Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторствѣ, гл. III и IV. Дополнено авторомъ на основаніи разсказовъ туземцевъ.

Кромѣ такихъ проповѣдниковъ въ Средней Азіи множество дервишей разнаго рода, которые также назидаютъ народную массу своимъ благочестіемъ и выбираютъ у нея послѣднія небольшія деньги. Распѣвая разные священные гимны, сопровождая свое пѣніе побрякиваніемъ въ желѣзныя кольца, прикрѣпленныя къ палочкѣ, которою размахиваютъ въ тактъ, дервиши нерѣдко доходятъ до изступленія во время пѣнія. Простодушный человѣкъ не можетъ не подать имъ мѣдную монету. Не только мусульмане, даже русскіе извощики, ничего не понимающіе въ ихъ гимнахъ, иногда слушаютъ дервишей и платятъ за такую диковинку 2—3 копѣйки. Сами дервиши отлично понимаютъ это и лишь замѣтятъ въ числѣ своихъ слушателей русскаго человѣка, особенно не-простолюдина, съумѣютъ выманить у него такъ называемый „силяу“ т.-е. подачку. Дѣйствительно, человѣку, ни разу ни видавшему дервишей, любопытно посмотрѣть на нихъ и послушать ихъ пѣніе, даже ничего не понимая въ немъ; дервиши же, съ своей стороны, какъ ловкіе торговцы своею религіозностію, видятъ насквозь каждаго слушателя и наблюдателя и не преминутъ воспользоваться удобнымъ случаемъ заработать 10—20 коп. Они обратятъ на васъ свои хитрые подобострастные взоры и будутъ повторять нѣсколько разъ тѣ звуки, которые вамъ наиболѣе понравятся. Если же слушатель обнаружитъ нѣкоторое знакомство съ туземнымъ языкомъ, то дервишъ постарается расположить его въ свою пользу и въ пользу своего нищенскаго кармана.

Однако, не смотря на такую строгую нравственную опеку и чисто полицейскій надзоръ за выполненіемъ предписаній религіознаго закона, мусульмане не отличаются въ массѣ тѣмъ благочестіемъ, какое думаютъ встрѣчать у нихъ ихъ защитники. Турки, татары, персы, татжики, узбеки, сарты [25]), воспитанные на мертвящихъ религіозное живое чувство предписаніяхъ корана и шаріата, далеко не всегда безукоризненны въ ревности къ главнымъ своимъ религіознымъ обязанностямъ, каковы: молитва, милостыня, постъ и путешествіе въ Мекку и Медину, что̀ мы сейчасъ и покажемъ.

---

[25]) Киргизы пока еще неофиты въ исламѣ, почему мы и не говоримъ о нихъ.

Обыкновенно пристрастные къ мусульманскому благочестію люди удивляются строгому и неуклонному выполненію мусульманами ежедневныхъ пятикратныхъ молитвъ (намазъ, салятъ). Повсюду, говорятъ такіе люди, въ опредѣленные часы мусульмане всѣхъ возрастовъ обращаются въ сторону Каабы и благоговѣйно совершаютъ положенный молитвенный обрядъ. Въ самыхъ малыхъ деревушкахъ пять разъ въ день слышится голосъ муэззина, призывающаго своихъ единовѣрцевъ къ молитвѣ и на всемъ пространствѣ, оглашаемомъ криками его, мусульмане оставляютъ свои обычныя занятія и отправляются въ мечеть.

Нельзя не сознаться, что подобное зрѣлище можетъ привести каждаго наблюдателя въ умиленіе; но всегда-ли и вездѣ-ли въ мусульманскихъ мѣстностяхъ можно встрѣтить такую умилительную картину? А главное—насколько искренни такое видимое благочестіе мусульманина и его готовность къ пятикратной молитвѣ, насколько участвуетъ онъ сердцемъ въ совершаемыхъ въ мечети поклоненіяхъ и читаемыхъ молитвахъ? Судя по внѣшнему виду молящихся мусульманъ, ихъ можно всѣхъ счесть самыми строгими исполнителями своего религіознаго закона, но на самомъ дѣлѣ они далеко не всегда таковы. Вы видите напримѣръ, что среднеазіатскій мусульманинъ, ѣдущій по дорогѣ верхомъ на лошади, вдругъ останавливается на людномъ мѣстѣ и начинаетъ молиться. Или: къ вамъ приходитъ гость — мусульманинъ. Сидитъ онъ, разговаривая о самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, даже болѣе — о какихъ угодно дѣлахъ, и также вдругъ разстилаетъ на полу свой халатъ и начинаетъ молиться, какъ бы не обращая на васъ вниманія... Г. М. разсказываетъ намъ такой случай: сидитъ онъ около своей квартиры на площади съ знакомыми... Вдругъ подходитъ къ нимъ мелкими шагами мусульманинъ, постилаетъ свой халатъ на землю и начинаетъ молиться, хотя М. продолжаетъ разговаривать съ своими знакомыми... Каждый проѣзжающій по Волгѣ на пароходѣ, не разъ конечно видѣлъ какъ въ извѣстный часъ татары-пассажиры взлѣзаютъ на трапъ и совершаютъ свой намазъ тѣмъ долѣе, чѣмъ болѣе глазъ смотрятъ на нихъ. О таджикахъ г. Гребенкинъ прямо заявляетъ, что чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, что муллы, казіи, богачи и монахи смотрятъ на ре

лигіозность, какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно на показъ другимъ,—передъ толпой. Истинный мусульманинъ всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ людн̃е мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе, при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, еслибы усердный богомолецъ, стоящій предъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, еслибы онъ заранѣе зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсъ его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ; если же и совершаетъ ее, то—какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени...

Вы видите, что мусульмане дружно идутъ толпами въ мечеть на рядовую молитву особенно публичную (намазы и джумпа) и думаете, что благочестіе процвѣтаетъ среди нихъ, что они такъ любятъ молиться, но можете ошибиться... У мусульманъ въ Средней Азіи въ подобныхъ случаяхъ побужденіемъ часто служила не сердечная потребность въ молитвѣ и не сознаніе своего религіознаго долга, а простая свойственная всѣмъ смертнымъ боязнь подвергнуться наказанію недуховнаго свойства. Извѣстный арабскій путешественникъ, посолъ великаго могола въ Пеканѣ Ибнъ-Батута родившійся въ 1302 г., съ особеннымъ, свойственнымъ мусульманину удовольствіемъ разсказываетъ, что въ Хинѣ (Китаѣ) въ каждой мечети былъ кнутъ (вѣроятно, извѣстная уже намъ *дора*) для духовной пользы тѣхъ, кто не былъ на своемъ мѣстѣ во время молитвы и что наказаніемъ распоряжался обыкновенно первенствующій имамъ [26]). Макъ-Гаханъ, сопутствовавшій русскимъ войскамъ въ походѣ въ Хиву въ 1873 году, подтверждаетъ также, что въ Хивѣ есть особое духовное лицо, обязанное наблюдать, чтобы мусульмане не просыпали установленныхъ молитвъ и что провинившихся помощники названнаго лица наказывали на мѣстѣ преступленія.

---

[26]) Очевидно извѣстный уже намъ рансъ.

Чтобы быть готовымъ къ совершенію наказанія, они постоянно сопровождаютъ своего начальника во время его ежедневныхъ разъѣздовъ по базару [27]). Борнсъ въ бытность его въ Бухарѣ видѣлъ, какъ четырехъ, найденныхъ спящими во время молитвы, вели по улицамъ, привязавши другъ къ другу и какъ полицейскій офицеръ, слѣдовавшій позади ихъ, наказывалъ ихъ толстою палкою и громко кричалъ: „*Послѣдователи ислама! Смотрите какъ наказываются нарушители закона!*“ По словамъ Борнса, всякаго найденнаго на улицѣ во время молитвы и уличеннаго въ небреженіи къ молитвѣ, подвергаютъ немедленному штрафу и тюремному заключенію [28]). И такія мѣры были дѣйствительны въ данномъ случаѣ. Г. Гребенкину сами мусульмане признавались, что въ прежнее время, когда дѣйствовали раисы, въ мечеть ходили изъ 30 человѣкъ 15—20, а по уничтоженіи ихъ власти русскимъ правительствомъ—въ мечеть ходятъ 5, много 10 человѣкъ изъ 30-ти. Въ Россіи приходскіе имамы слѣдятъ за исправнымъ хожденіемъ прихожанъ въ мечеть и виновныхъ наказываютъ, особенно шакирдовъ учениковъ медресе.

Немного благочестія проявляютъ мусульмане и во время своихъ омовеній. Въ случаѣ нежеланія подвергаться этому непріятному особенно въ зимнее время обряду, мусульмане замѣняютъ его другимъ, болѣе удобоисполнимымъ обрядомъ (*тейсмумъ*) состоящимъ въ отираніи стопы ногъ, кистей рукъ и головы пальцами и ладонями, приложенными предварительно къ пыльному мѣсту, разумѣется, чистому. Впрочемъ объ этомъ обрядѣ нельзя говорить много, потому что онъ совершается неоткрыто по требованію шаріата и приличія.

Дѣла милосердія совершаются мусульманами также бездушно и также односторонне формально, какъ и молитва. Въ особенности такое отношеніе къ дѣлу благотворительности замѣчается у мусульманъ всѣхъ странъ, во время платежа зякята, т.-е. % съ настоящаго имущества въ пользу разныхъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій ислама, каковы караванъ-сараи и т. п. Каждый богачъ старается при этомъ скрыть дѣй-

[27]) Очевидно, рѣчь идетъ о раисѣ и его помощникахъ. См. военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы, сочин. Макъ-Гахана. Перев. съ англійскаго въ приложеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Москва 1875 стр. 225.

[28]) Путешествіе въ Бухару и пр. ч. 2, стр. 405 и слѣд.

ствительную стопмость своего имущества, чтобы поменьше заплатить на общую пользу. Богачи вездѣ и всегда вѣроятно были одинаковы, и походили на евангельскаго богача, и мы указываемъ здѣсь только на то, что исламъ не размягчилъ сердце богатыхъ людей болѣе другихъ религій, а скорѣе сообщилъ имъ чисто формальный взглядъ на дѣло. Вотъ одинъ очень любопытный случай, характеризующій мусульманина въ отношеніи къ дѣламъ милосердія. Богатый купецъ мусульманинъ, не владѣющій ногой, далъ обѣтъ Богу облегчать ежедневно пѣшеходовъ своею лошадью. Однажды онъ, тотчасъ по выѣздѣ изъ дома, догналъ по дорогѣ пѣшаго русскаго чиновника и счелъ своимъ долгомъ подвести его по пути (свертывать съ дороги въ интересахъ пѣшехода, купцу мусульманину, давшему такой обѣтъ, казалось неудобнымъ и излишнимъ)... Чрезъ нѣсколько дней тотъ же богачъ догналъ другаго чиновника, шедшаго на службу и также подвезъ его до того пункта, съ котораго дороги чиновника и богача расходились въ разныя стороны. Пѣшеходъ откланялся и пошелъ своей дорогой, а богачъ тотчасъ настигъ того самаго чиновника, котораго онъ везъ нѣсколько дней тому назадъ по обѣту,—раскланялся съ нимъ, какъ съ знакомымъ, но уже не пригласилъ его сѣсть въ свободные свои сани на томъ формальномъ основаніи, что данный имъ обѣтъ былъ *на этотъ день* уже исполненъ... Такъ большинство мусульманъ поступаетъ въ отношеніи и къ другимъ видамъ милосердія и благотворительности: далъ Богу обѣтъ питать нищаго пищею,—нищій и питается, какъ случится, лишь-бы со внѣшней стороны обѣтъ былъ исполненъ...

И постъ, которымъ такъ гордятся мусульмане предъ христіанами, не всѣми современными исповѣдниками Корана соблюдается строго. Не говоря уже о классѣ рабочихъ, которые по необходимости разрѣшаютъ себѣ нарушеніе поста, даже муллы и шакирды,—эти будущіе столпы ислама, бываютъ нарушителями поста, не всегда заботятся о томъ, чтобы имъ соблюдать святость поста своего. Шино [29]) разсказываетъ, что среди татаръ много такихъ муллъ, которые на улицѣ высматриваютъ святошами, а у себя дома, въ заперти преспокойно отступаютъ

[29]) Современникъ 1845 г. Волжскіе татары.

отъ того, что сами же проповѣдаютъ въ мечетяхъ. Они ѣдятъ днемъ во время поста и показываются народу постниками. Имѣвшій возможность въ продолженіи многихъ лѣтъ близко наблюдать за внутреннею жизнію Казанскихъ татаръ, докторъ Фуксъ говоритъ, что во время рамазана татары днемъ не являются въ трактирѣ, но въ сумерки идутъ туда толпами. Многіе молодые люди посѣщали бы во время рамазана трактиры и днемъ, еслибы не боялись, по ихъ самолюбію, подвергнуться насмѣшкамъ отъ своей братіи. У нихъ есть старинный обычай, во время рамазана, въ случаѣ невоздержности какого-либо татарина днемъ въ пищѣ или питьѣ, тотчасъ схватить его и представить муллѣ. Мулла въ ту же минуту мараетъ ему лицо сажею и въ такомъ видѣ выгоняетъ на улицу, гдѣ другіе татары, по религіозному побужденію, бьютъ его палками, или брыжжутъ въ него грязью до тѣхъ поръ, пока онъ куда нибудь отъ нихъ не скроется. Въ его время [30]) случилось, что одинъ татаринъ во время поста днемъ вышелъ изъ кабака; татары бросились на него, чтобы схватить его, но ему удалось убѣжать въ другой кабакъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище до вечера. Существовавшій во время Фукса у Казанскихъ татаръ обычай марать сажею лицо нарушившаго постъ мусульманина сохранился до настоящаго времени [31]).—Кавказскіе мусульмане мало обращаютъ также вниманія на предписанія своего религіознаго закона о постѣ и нерѣдко нарушаютъ постъ. Туркестанскіе мусульмане также не строго держатъ постъ, особенно когда постящійся увѣренъ, что его не видитъ другой мусульманинъ. О Туркахъ Вамбери замѣчаетъ, что они нарушаютъ постъ во время дня, скрываясь въ гаремѣ, чтобы не показываться прислугѣ невѣрующимъ [32]). За то каждаго нарушившаго постъ публично они считаютъ умалишеннымъ и заключаютъ въ домъ умалишенныхъ на мѣсяцъ или на два [33]).

Путешествіе въ Мекку на поклоненіе Каабѣ и въ Медину на поклоненіе гробу Мухаммеда, извѣстное въ исламѣ подъ име-

---

[30]) Книжка Фукса издана въ 1844 году.

[31]) См. Мухаммеданскій постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ (Казань 1877 г.), стр. 136 и подробно гл. III и V этого сочиненія.

[32]) Очерки жизни и нравовъ Востока (Спб. 1876 г.) стр. 8.

[33]) „Сѣверная звѣзда“. 1877 г. № 40, страница 670—671.

немъ *хаджа*, не всѣми мусульманами совершается искренно и не всегда имѣетъ доброе на нихъ вліяніе. По закону только достаточные въ матеріальныхъ средствахъ мусульмане обязаны выполнять этотъ священный долгъ разъ въ жизни; несмотря на это путешествующихъ на богомолье въ Мекку и Медину бываетъ очень много. Такъ напримѣръ въ 1807 году, когда совершалъ хаджъ извѣстный путешественникъ Али-Бей, всѣхъ богомольцевъ въ Меккѣ было 83000. Въ 1814 году число богомольцевъ, по свидѣтельству Бурхгардта, простиралось до 70000 человѣкъ, которые говорили болѣе чѣмъ на сорока языкахъ. Въ 1854 году Бертонъ нашелъ въ Меккѣ до 50000 богомольцевъ. Изъ опубликованной Ж. Дювалемъ таблицы видно, что въ 1855 году было 80.000 человѣкъ; въ 1856 году — 120.000 человѣкъ; въ 1857 году — 140.000 человѣкъ; въ 1857 году — 160.000 человѣкъ. Въ 1865 году, по показанію Д. Авриля, число богомольцевъ простиралось до 90.000 человѣкъ [34]). Самая большая часть этихъ многочисленныхъ богомольцевъ состоитъ обыкновенно изъ людей бѣдныхъ, которые подвергаютъ себя *за деньги* богачей всѣмъ трудностямъ пути. Во время дороги они часто занимаются прибыльнымъ торгомъ, такъ что важное религіозное путешествіе превращается въ большую подвижную ярмарку. Вамбери очень характерно говоритъ, что для персовъ и среднеазіатцевъ вообще хаджъ составляетъ не только священный долгъ, но и дѣло моды. „Путешествіе считается, говоритъ онъ, на всемъ Востокѣ пріятнымъ и полезнымъ для здоровья препровожденіемъ времени; у нѣкоторыхъ народовъ любовь къ путешествіямъ переходитъ даже въ настоящую страсть, проявляющуюся очень различно, главнымъ же образомъ въ далекихъ и частыхъ богомольяхъ. Когда у перса или среднеазіата все въ домѣ обстоитъ благополучно и онъ желаетъ доставить самому себѣ или своей супругѣ особенное удовольствіе, то онъ отправляется на богомолье, точно также, какъ мы предпринимаемъ путешествіе въ Италію, Швейцарію, или на тѣ или другія воды или купанья. За долго предъ тѣмъ онъ начинаетъ копить для этой цѣли деньги, приготовляетъ платье и вещи, нужныя въ дорогѣ, и уже напередъ предается тому удовольствію, которое доставитъ ему путеше-

[34]) L'Arabie contemporaine par A. D'Avril. Paris. 1866, pag. 188.

ствіе по чужимъ странамъ и городамъ и пребываніе въ столькихъ знаменитыхъ, освященныхъ пророкомъ городахъ, посѣщеніе которыхъ сверхъ того и въ будущей жизни считается богоугоднымъ дѣломъ... Когда я вспоминаю изъ многочисленныхъ моихъ знакомыхъ въ различныхъ странахъ ислама тѣхъ личностей, которыя приготовлялись въ хаджъ, то до сихъ поръ не могу удержаться отъ удивленія. Люди эти уже за цѣлыя недѣли или даже мѣсяцы передъ принятіемъ рѣшенія совершенно такъ-сказать преобразовывались, и по мѣрѣ того, какъ приближалось время отъѣзда, ихъ волненіе и лихорадочность все увеличивались. Бѣдные и малоизвѣстные люди удаляются обыкновенно безъ шуму, такъ-сказать незамѣтно, изъ кружка своихъ домашнихъ; обыкновенно они путешествуютъ на чужой счетъ, и человѣкъ, снарядившій на богомолье другаго, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на извѣстную часть Божьей милости. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ уже восемь разъ въ своей жизни совершилъ въ лицѣ другаго Тавафъ (путешествіе вокругъ Каабы), и столько же разъ, слѣдовательно, сдѣлался онъ хаджи, тогда какъ посланные его не имѣли права на этотъ титулъ. Эти послѣдніе могутъ разсчитывать на награду только въ будущей жизни; здѣсь же имъ предоставляется только право быть похороненными въ ирамѣ (родъ рубашки, которую пилигримы надѣваютъ, приближаясь къ Меккѣ). У богатыхъ, отправленіе на богомолье сопровождается извѣстною торжественностью. Самъ путешественникъ и всѣ его спутники и слуги одѣваются съ ногъ до головы во все новое; онъ беретъ съ собою въ дорогу лучшихъ своихъ лошадей, лучшія сѣдла и сбрую; передъ отъѣздомъ дѣлаетъ обыкновенно свою духовную и эта предосторожность совершенно не лишняя. Онъ прощается со всѣмъ своимъ семействомъ, съ друзьями и родственниками нѣжно и торжественно, такъ какъ ему предстоитъ путь въ сотни или тысячи милль, борьба съ климатическими условіями, неблагопріятными стихіями и съ людскимъ коварствомъ, прежде чѣмъ ему удастся достигнуть цѣли своихъ желаній, Каабы [35]).

Многіе совершаютъ хаджъ по тщеславію; имъ хочется величаться именемъ *хаджи* и чрезъ это имя пріобрѣсти ссбѣ значе-

[35]) Очеркъ жизни и нравовъ Востока стр. 171—174.

ніе въ обществѣ: самый отъявленный негодяй, совершивши хаджъ, слыветъ уже у своихъ соотечественниковъ исправившимся человѣкомъ; около него многіе считаютъ за честь посидѣть рядомъ, чтобы взглянуть на него, или коснуться его одежды. Титулъ „хаджи" вырѣзывается на его печати и присоединяется навсегда къ его имени, идетъ съ нимъ въ могилу и окружаетъ его имя и лицо почтеніемъ. Въ Россіи хаджъ совершается также иногда съ цѣлію избѣжать рекрутской повинности. Подходитъ какому нибудь мухаммеданину очередь идти въ рекруты,—онъ уходитъ въ Мекку; оканчивается наборъ — набожный мухаммеданинъ возвращается. Часто побужденіями чисто житейскими и поддерживается пресловутый мухаммеданскій обрядъ, учрежденный, по словамъ Корана, самимъ Авраамомъ [36]). Не желающіе совершить труднаго путешествія, мусульмане обыкновенно прибѣгаютъ къ казуистикѣ, доказывая, что хаджъ обязателенъ только для тѣхъ, кто имѣетъ совершенно свободныхъ денегъ до 10000 рублей, что имѣетъ основаніе въ самыхъ правилахъ закона о хаджѣ. По дѣйствующему у мухаммеданъ законовѣдѣнію, хаджъ можетъ совершаться только людьми состоятельными, могущими обезпечить какъ себя во все время путешествія, такъ и свое семейство, остающееся дома въ продолженіи иногда двухъ лѣтъ...

Похвалятся ли мусульмане своимъ благочестіемъ во время хаджа? Конечно, но не всѣ они въ дѣйствительности таковы. Вамбери замѣчаетъ на эту тему: „жизнь въ Меккѣ отличается грубымъ, отвратительнымъ развратомъ. Жаркія молитвы смѣняются всевозможными излишествами, и въ непосредственной близости отъ божьяго дома происходятъ оргіи, превосходящія всякое описаніе. Впрочемъ, это относится не къ одной Меккѣ; я имѣлъ случай въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мѣстахъ поклоненія лично убѣдиться въ этомъ. Крайности, говорятъ, всегда соприкасаются, и это оправдывается и въ данномъ случаѣ, такъ какъ рѣдко можно встрѣтить болѣе безобразные притоны всякаго разврата, чѣмъ Мешхедъ и Кумъ въ Персіи [37]). Никогда не забуду я вида всѣхъ этихъ пилигримовъ, толпящихся вокругъ серебряной рѣшетки той или другой гробницы,

---

[36]) Гл. 2, ст. 118—119.

[37]) Очерки жизни и нравы Востока, стр. 183.

ихъ плачь, вопли, рыданія и то жадное вниманіе, съ которымъ неграмотные изъ нихъ слѣдили за словами, выходящими изъ устъ муллы. Я самъ видѣлъ, какъ обильныя слезы текли по щекамъ дѣтей, также какъ и по чернымъ и сѣдымъ бородамъ. Я былъ даже свидѣтелемъ, какъ женщины ударяли себя въ грудь и присоединялись къ общему покаянному pater peccavi. Я нисколько не сомнѣваюсь, что все это умиленіе дѣйствительно основывалось на искренней набожности, но также я не могу умолчать, что встрѣчалъ въ этихъ магометанскихъ священныхъ мѣстахъ также немало лицемѣрія и притворства. Однажды въ мечети, одинъ неграмотный пилигримъ — скряга, которому не хочется платить гонорарій оффиціальному стражу гробницы за прочтеніе молитвъ, обратился ко мнѣ съ просьбою оказать ему эту услугу. Онъ сталъ немножко позади меня и я очень добросовѣстно началъ прочитывать ему въ слухъ суры Корана и арабскія молитвы. Въ началѣ онъ шопотомъ повторялъ за мною слова, но вскорѣ я услышалъ за моею спиною слѣдующій разговоръ. А. „Ужь болѣе 5 дукатовъ, конечно, не стоитъ твоя кляча“. Б. „Клянусь святымъ Аббасомъ! я самъ заплатилъ за нее 12“ и т. д. Съ негодованіемъ обернулся я назадъ и увидѣлъ, что мой будущій Мешхеди [38]) вступилъ въ торгъ съ однимъ знакомымъ, очень своеобразное занятіе для пилигрима у гроба святаго Имама Риза“ [39]). Какое же вліяніе на нравственно-религіозное чувство мусульманъ оказываетъ хаджъ? По словамъ Д'Авриля, нѣкоторые богомольцы разочаровываются въ священномъ своемъ подвигѣ; грабежи во время дороги и во время пребыванія у священныхъ мѣстъ дѣлаютъ ихъ менѣе добродѣтельными людьми по возвращеніи домой. Арабская пословица такъ характеризуетъ это вліяніе хаджа: „Не будь довѣрчивъ къ своему сосѣду, если онъ однажды совершилъ хаджъ; когда же онъ дважды побываетъ въ Меккѣ, спѣши перемѣнить жилище“. Другіе, которыхъ большинство, возвращаются домой съ религіозною твердостію въ сердцѣ, сопровождающеюся презрѣніемъ и ненавистію къ иновѣрцамъ; хаджъ портитъ благочестіе богомольцевъ, дѣлая изъ

[38]) Персы, какъ шіиты, кромѣ Мекки и Медины путешествуютъ еще въ Кербелу, Неджедъ, Мешхедъ, Кумъ и др.

[39]) Очерки жизни и нравовъ Востока стр. 188—189.

нихъ фарисеевъ. Другое вліяніе, оказываемое хаджемъ на путешественниковъ, состоитъ въ томъ, что всѣ десятки тысячъ мусульманъ разныхъ національностей и странъ соединяются духовно въ религіозномъ своемъ центрѣ и пропитываются духомъ враждебнымъ всему немусульманскому, а почетъ и уваженіе, какими посѣтившіе Мекку пользуются по возвращеніи домой, поддерживаютъ въ нихъ непріязненное, враждебное всему прогрессивному, чувство. Религіозно-политическія волненія мусульманъ, подвластныхъ христіанскимъ правительствамъ, часто если не созрѣваютъ, то крѣпнутъ и получаютъ духъ и направленіе въ Меккѣ во время хаджа. Всѣ болѣе крупныя волненія мусульманъ (алжирское, сенегальское, египетское и индійское) получили свое начало и подогрѣты были въ Меккѣ во время хаджа [40]). Такимъ образомъ узаконенія ислама, въ отношеніи главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ, не производятъ особенно благодѣтельнаго вліянія на религіозно-нравственную ихъ жизнь; мусульмане, какъ видно, тяготятся бездушными предписаніями своего закона и не становятся отъ исполненія ихъ нравственнѣе. Да и могутъ ли религіозно-обрядовыя предписанія шаріата, обставленныя многочисленными и мелкими формальностями, трогать человѣческое сердце? Въ Бухарѣ, по словамъ Бориса, не смотря на строгія наказанія, постигающія виновныхъ въ нарушеніи религіозныхъ законовъ, замѣчается множество противорѣчій въ примѣненіи законовъ къ дѣлу. Вы можете открыто покупать табакъ и всѣ принадлежности куренія; но если васъ увидятъ курящимъ наулицѣ, то немедленно отведутъ къ казію и накажутъ плетью, или съ вычерненнымъ лицомъ посадятъ на осла и повезутъ по улицамъ въ предостереженіе жителей. Если кто вздумаетъ гонять голубей въ пятницу и будетъ на этомъ пойманъ, то его возятъ на верблюдѣ, привязавъ на шею мертваго голубя... Несмотря однакоже на это, цѣлыя толпы закоренѣлыхъ негодяевъ бродятъ по вечерамъ на улицахъ съ цѣлями столько же противными Корану, сколько и природѣ [41]). Если мы и знаемъ благочестивыхъ и добрыхъ мусульманъ,—то они сдѣлались такими

---

[40]) De la propagande musulmane en Afrique et dans les Indes... d'Avril, pag. 205—222.

[41]) Путешествіе въ Бухару ч. 2, стр. 405.

не столько отъ вліянія религіи, сколько по своей натурѣ. Исламъ скорѣе способенъ изсушить религіозное чувство человѣка, вложенное въ него природою, чѣмъ разогрѣть его.

Посмотримъ, въ какой степени исламъ успѣваетъ искоренять въ своихъ послѣдователяхъ разные пороки, т.-е. въ какой степени онъ вліяетъ на улучшеніе нравственнаго характера народовъ, его исповѣдующихъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ фактъ, что въ мусульманахъ рядомъ съ набожностію уживаются самые грубые пороки. Ксавье Раймундъ, описывая нравы афганцевъ въ 1848 году, говоритъ, что жизнь мухаммеданскихъ муллъ на видъ можетъ казаться жизнію святыхъ, но въ домашнемъ кругу всѣ они предаются порокамъ. Особенно ихъ обвиняютъ въ лихоимствѣ. Коранъ строго запрещаетъ брать большіе незаконные проценты [42]), но многіе муллы открыто нарушаютъ это предписаніе Корана. Большая часть ихъ отдаютъ свои деньги подъ залогъ съ большими процентами и такимъ образомъ скопляютъ себѣ большія богатства. [43]) Лихоимство муллъ встрѣчается повсемѣстно. Вопреки постановленію Корана, въ Турціи, Туркестанѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ существуютъ мѣнялы и ростовщики, которые въ своихъ операціяхъ имѣютъ сношенія даже и съ кафирами. Запрещенныя Кораномъ [44]) азартныя игры извѣстны мусульманамъ всѣхъ странъ. По свидѣтельству Маддена [45]) Крымскіе татары предаются въ высшей степени азартнымъ играмъ, особенно въ Симферополѣ, и пропгрываютъ часто все свое и чужое имущество, а знатные турецкіе чиновники съ азартомъ играютъ въ шахматы, хотя Мухаммедъ запретилъ въ Коранѣ азартныя игры [46]). Азартныя игры распространены въ Бухарѣ, Персіи и Туркестанѣ (карты и орлянки). Въ Ташкентѣ орлянка была распространена еще до завоеванія его русскими. Въ настоящее время въ Ташкентѣ мелкіе торговцы сарты играютъ въ карты среди бѣла дня, сидя передъ своими лавками. Въ Самаркандѣ мы собственными гла-

---

[42]) Гл. 2, стр. 276–283; гл. 3, ст. 125.

[43]) Pag. 55.

[44]) Гл. 2, ст. 216; гл. 5, ст. 42.

[45]) Madden, The Turkishe Empire (London. 1862) tom. 2 pag. 458.

[46]) Гл. 2, ст. 92.

зами видѣли, какъ молодые таджики и сарты [47]) играли въ засаленныя карты въ верхнихъ частяхъ знаменитыхъ построекъ древней столицы Тамерлана. Очевидно они боятся наказаній отъ приходскаго имама за непозволенную игру и прячутся въ малодоступныхъ мѣстахъ, куда проникаетъ только заѣзжій случайно русскій человѣкъ, интересующійся побывать и на крышѣ древнихъ высокихъ зданій. По словамъ г. Гребенкина, въ каждомъ городѣ Зеравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для азартныхъ игръ. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ-днемъ Игроки иногда проигрываютъ все; они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ (водка) покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бачей...

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые люди изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣдныхъ же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

„Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые такъ-сказать только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держатъ пари за кого-нибудь изъ играющихъ и проигравшись на пари въ пухъ и прахъ сами начинаютъ играть.

„До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ среднеазіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру съ самимъ собою.

---

[47]) Мы уже выше на стр. 13, замѣтили, что таджики и сарты не одно и то же; таджики—болѣе яранцы, а сарты—болѣе усбеки.

Даже сидя на допросѣ по слѣдственному дѣлу азартные среднеазіатцы то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что̀ вышло: четъ или нечетъ. Такіе люди, точно помѣшанные, на задаваемые имъ вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что всецѣло заняты своею игрой. Пристрастные къ пари, среднеазіатцы бьются объ-закладъ во время кулачныхъ боевъ во время боевъ перепелокъ, пѣтуховъ, барановъ и верблюдовъ. Пари держитъ всегда одна сторона противъ другой. Пари, и притомъ самые оживленные, держатся на бачей и борцевъ. Бачи плясуны выжимаютъ изъ своихъ поклонниковъ сравнительно большія деньги, изъ-за-нихъ спорящіе готовы драться на ножахъ. Къ побѣдителю при борьбѣ подскакиваетъ каждый изъ державшихъ за него пари или вообще его сторонникъ, охватываетъ его обѣими руками и вмѣстѣ съ нимъ подпрыгиваетъ. При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично), каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, на которыя противная сторона не рѣдко отвѣчаетъ кулаками“ [48]). Всѣ эти пари происходятъ чаще всего по праздникамъ послѣ праздничнаго богослуженія. Мусульманинъ, принужденный райсомъ идти въ мечеть, спѣшитъ оттуда на азартную потѣху, гдѣ онъ одуряетъ свою голову разными наркотическими веществами. Притоны азартныхъ игроковъ и любителей пари, помимо своего дурнаго вліянія на самихъ игроковъ, заражаютъ и всѣхъ тѣхъ молодыхъ зѣвакъ, которые, подражая старикамъ, собираются въ эти притоны большими массами и такимъ образомъ постепенно привыкаютъ къ рѣшимости убивать впослѣдствіи дорогое рабочее время и проигрывать свое имущество, когда сдѣлаются полными его распорядителями.

Запрещенныя Кораномъ [49]) гаданія распространены среди мусульманъ повсемѣстно. Гаданія совершаются даже муллами и при помощи Корана. Въ Туркестанскихъ городахъ на базарахъ

[48]) Гребенкинъ, ст. „Татжики“ стр. 38 — 40. помѣщ. въ „Русскомъ Туркестанѣ“, сборн. издан. по поводу политехнической выставки. Вып. 2. Москва. 1872.

[49]) Гл. 5, ст. 92.

особые ворожеи (рамчи) изъ ученыхъ мусульманъ, съ свойственно исповѣдникамъ ислама важностію и набожностію, читаютъ по книгамъ всякое вранье и получаютъ за это все что̀ имъ дадутъ. За 5—10 коп. вамъ рамчи наговорятъ очень много, а масса наивныхъ и суевѣрныхъ простецовъ стоитъ и слушаетъ.

Не смотря также на явное запрещеніе Кораномъ воровства [50]), между мусульманами этотъ порокъ развитъ въ высшей степени. По словамъ Фукса, нигдѣ нѣтъ столько воровства сколько между татарами [51]). То же подтверждаетъ и Лаптевъ [52]). Конокрадства въ губерніяхъ съ татарскимъ населеніемъ практикуются усердно татарами. Башкиры воруютъ лошадей даже другъ у друга. По словамъ Ферье [53]), персы и авганцы—отъявленные воры. Не невинны въ этомъ отношеніи и туркестанскіе мусульмане. Къ сожалѣнію мы имѣемъ относящіяся къ вопросу свѣдѣнія только по одному Кураминскому уѣзду Сыръ-Дарьинской области, гдѣ въ 1870 году изъ 1213 тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ казіями и біями, было 185 случаевъ кражи [54]), что̀ во всякомъ случаѣ составляетъ значительный процентъ. На самомъ дѣлѣ случаевъ воровства было, очевидно, гораздо больше, потому что изъ-за мелкихъ кражъ и въ случаяхъ неотысканія вора и самыхъ жалобъ по начальству не бываетъ. Конокрадство развито въ краѣ и иногда совершается среди бѣлаго дня. Изъ чисто-нравственныхъ пороковъ между туземцами туркестанскаго края распространены клятвопреступленія и лжесвидѣтельства, практикуемыя ими особенно часто по долговымъ обязательствамъ. Долговыхъ исковъ въ названномъ уѣздѣ въ 1870 году было болѣе всего, именно — 478 изъ 1213 всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ [55]). Въ дѣлахъ подобнаго рода нарушаютъ клятву и принимаютъ ложную присягу не только бѣдняки, но и большіе богачи-сарты. Изъ-за корысти туземцы легко рѣшаются на ложныя показанія и клят-

[50]) Гл. 5, ст. 45.

[51]) Казанскіе татары, стр. 220.

[52]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи (С.-Пб. 1861) казанская губернія, стр. 220.

[53]) Ferrier, Voyage en Perse (Paris. 1860) t. 1, pag. 15.

[54]) „Вѣстникъ Европы“ 1875 г. кн. XI, стр. 144, ст. Терентьева „Туркестанъ и туркестанцы“.

[55]) Тамъ же.

вопреступленія и до того легко относятся къ этому, что когда слѣдователь обнаружитъ несомнѣнную ложь въ показаніяхъ подкупленнаго свидѣтеля, послѣдній не усумнится высказать новую ложь и наконецъ приметъ спокойно присягу въ истинности своихъ показаній. Ложный свидѣтель до тѣхъ поръ будетъ извертываться и путать дѣло, пока наконецъ ясно необнаружится, что онъ подкупленъ и часто за 40 — 20 копѣекъ. Когда такой свидѣтель и самъ наконецъ убѣдится, что слѣдователь несомнѣнно знаетъ о томъ, что онъ подкупленъ, тогда онъ наивно сознается и объявитъ о себѣ, какъ о бѣднякѣ, которому не на что купить лепешку и потому вынужденномъ заработать себѣ немного денегъ такимъ нечистымъ промысломъ. И замѣчательно, что среднеазіатцы смотрятъ на подкупныхъ свидѣтелей, какъ на своего рода промышленниковъ, которые достаютъ себѣ такъ легко кусокъ хлѣба; такихъ безнравственныхъ людей не преслѣдуетъ общественное мнѣніе и они спокойно поддаются во всякое время подкупу [56]). На убійства среднеазіатскіе мусульмане смотрятъ очень хладнокровно. Они не знаютъ угрызеній совѣсти послѣ убіенія человѣка и убійцу не считаютъ низкимъ и грубымъ существомъ. По ихъ взгляду почти все равно что убить человѣка, что зарѣзать барана, потому что никто безъ нужды не станетъ, разсуждаютъ они, рѣзать барана, а тѣмъ болѣе человѣка, который можетъ и не принадлежать тому, кто его рѣжетъ. При такомъ легкомъ взглядѣ на убійства, среднеазіатскіе мусульмане никогда не гнушались держать въ своихъ рукахъ руки палача, не осыхавшія отъ крови при бекахъ и эмирахъ [57]).

Коранъ запрещаетъ своимъ послѣдователямъ пить вино [58]), а шаріатъ считаетъ и самую продажу запрещеннаго напитка дѣломъ гнуснымъ, но мусульмане, въ противорѣчіи съ предписаніемъ своего священнаго законодательнаго кодекса, пьютъ всевозможные охмѣляющіе напитки, утѣшая себя тѣмъ, что въ Коранѣ запрещено именно *вино*, а о водкѣ и тому подобныхъ напиткахъ не говорится ни слова. Но они строго воздерживаются

---

[56]) Гребенкинъ въ ст. „Таджики“, стр. 34—35.

[57]) Ст. Гребенкина „Таджики“ стр. 35.

[58]) Коранъ, гл. 2, ст. 216.

отъ соблазна торговать виномъ и водкой, какъ бы предпочитая шаріатъ Корану. Турки такъ привыкли къ употребленію охмѣляющихъ напитковъ, что между ними есть настоящіе пьяницы. По словамъ Базили, пьяные турки падаютъ даже въ море и часто утопаютъ [59]). Персы и живущіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи татары умѣютъ пить не только вина, но водку и пиво. Особенно пивомъ татары напиваются до потери сознанія, хотя выпиваютъ для этого большое количество хмѣльнаго напитка. По словамъ Фукса, казанскіе татары пьютъ и напиваются даже во время своего поста въ мѣсяцъ Рамазанъ. Среднеазіатскіе мусульмане, сарты, таджики и киргизы пьютъ не только вина, но и водку, но всего чаще напиваются *бузой*, приготовляемой изъ отвареннаго проса, смѣшиваемаго съ бараньимъ саломъ и мукой [60]). Кромѣ бузы они хмѣлѣютъ чисто отъ *кокнара*, напитка, приготовляемаго изъ сока маковыхъ (*макъ-кокнаръ*) головокъ [61]). Этотъ напитокъ особенно вредно дѣйствуетъ на здоровье, такъ что пристрастившійся къ кокнару чрезъ годъ дѣлается уже блѣднымъ, трясущимся и ни къ чему неспособнымъ человѣкомъ. Любители кокнара пьютъ его обыкновенно по стакану три раза въ день: рано утромъ, въ полдень и вечеромъ. Пристрастіе къ одуряющимъ напиткамъ съ одной стороны есть прямое нарушеніе запрещенія Корана, а съ другой находится съ этимъ запрещеніемъ въ прямой логической связи. Запретивъ въ Коранѣ употребленіе вина, Мухамедъ имѣлъ въ виду оградить своихъ послѣдователей отъ пьянства; послѣдователи же его, исполняя буквально заповѣдь Корана, стали употреблять еще болѣе вредные въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ напитки—бузу и кокнаръ. Кромѣ этихъ напитковъ среднеазіатскіе мусульмане съ большимъ пристрастіемъ курятъ табакъ, къ которому часто примѣшиваютъ одурюющихъ веществъ, въ родѣ такъ называемой *наши*, приготовляемой изъ шелухи мѣстныхъ конопляныхъ сѣмянъ (*банъ*). Дѣйствія *наши* на человѣческій

---

[59]) Босфоръ и живые очерки Константинополя. Спб. 1836, ч. I, стр. 222.

[60]) „Туркестан. Вѣдомости“ 1873 г. № 24.

[61]) При всемъ этомъ сарты никакъ не могутъ согласиться, что пьянство, отъ какого бы напитка оно ни происходило, одинаково преступно: напиться бузы и кокнара до положительнаго безумія, по ихъ убѣжденію, негрѣшно; напиться же до-весела водки и под.—грѣхъ смертный.

организмъ такъ же вредно и сильно, какъ дѣйствіе опія, но туземцы Средней Азіи любятъ курить *нашу*, дающую имъ возможность вызывать въ своемъ воображеніи сладостныя картины, подобныя описаннымъ въ Коранѣ.

Наконецъ мы должны сказать о развратѣ мусульманъ. Этому пороку одинаково подвержены мусульмане всѣхъ странъ. Во многихъ мусульманскихъ мѣстностяхъ мущины разнаго возраста позволяютъ себѣ посѣщеніе домовъ терпимости, а женщины въ послѣднее время нерѣдко являются въ числѣ открытыхъ проститутокъ. Въ большихъ россійскихъ городахъ съ мусульманскимъ населеніемъ, каковы Астрахань, Казань и др. есть дома терпимости, наполненные спеціально мусульманскими женщинами. Въ среднеазіатскихъ городахъ, въ родѣ Ташкента и Самарканда, цѣлые кварталы состоятъ изъ такихъ домовъ, въ которыхъ встрѣчаются чаще даже бухарскія женщины. Мусульмане Средней Азіи торгуютъ своими женами и дочерями и иногда увозятъ ихъ за десятки и сотни верстъ въ продажу для постыднаго торга женскою честію. И въ этомъ случаѣ мусульмане заявляютъ себя какъ-то особенно дико: имъ нѣтъ никакого стыда не только посѣщать позорныя мѣста днемъ, когда ихъ всѣ видятъ, но и просиживаютъ около такихъ домовъ на улицѣ въ продолженіи цѣлыхъ дней, въ сообществѣ съ развратницами, причемъ происходятъ всевозможныя между ними не только драки, но убійства. Мы дважды имѣли случай собственными глазами видѣть двухъ сартовъ, имѣющихъ болѣе 40 лѣтъ съ распоротыми животами изъ-за развратныхъ женщинъ. Рядомъ съ этимъ болѣе все-таки естественнымъ порокомъ мусульмане предаются разврату противоестественному. Мы разумѣемъ онанизмъ, скотоложство и мужеложство. У среднеазіатцевъ мужеложство развилось въ особый, только имъ свойственный, порокъ извѣстный подъ именемъ *бачебазства* (бачебазлыкъ) состоящій въ какомъ-то изступленномъ поклоненіи и ухаживаніи за молодыми мальчиками (*бача*). Порокъ этотъ, противный Корану и природѣ человѣка, извѣстенъ однако въ Средней Азіи съ давнихъ временъ и глубоко укорененъ среди осѣдлаго мусульманскаго населенія, вошелъ въ плоть его и кровь, за исключеніемъ киргизъ. Преимущественно этотъ порокъ укоренъ среди таджикскаго, сартскаго и отчасти узбекскаго на-

селенія большихъ средне-азіатскихъ городовъ Хивы, Бухары, Ташкента, Кокана, Ходжента, Самарканда и др. за исключеніемъ Кашгара и Кульджи. Самаркандъ, эта древняя столица Средней Азіи, есть самый развратный городъ во всемъ Туркестанѣ, потому что этотъ городъ лежитъ на главномъ караванномъ пути между Бухарою, Коканомъ и Ташкентомъ. Соотвѣтственно запросу на бачей является и предложеніе, превращающееся въ промыселъ, увлекающій корыстью не только лицъ постороннихъ, но даже отцевъ и близкихъ родственниковъ. Мальчики увлекаются въ неестественную проституцію или покупкою ихъ у бѣдныхъ родителей, или цѣлою системою разныхъ ласкъ, угощеній и ухаживаній, или сиротство и безпріютность дѣтей выводитъ ихъ на такую позорную жизнь. Все это до того въ нравахъ среднеазіатскихъ мусульманъ, что каждый болѣе или менѣе пригожій лицемъ мальчикъ легко можетъ найти себѣ гнусный заработокъ, которымъ онъ смѣло и вѣрно промышляетъ до появленія усовъ и бороды. Этого мало, бача пользуется у сартовъ большимъ почетомъ, чѣмъ у любителей европейцевъ какая-нибудь знаменитая танцовщица. Все уваженіе присвоенное въ Европѣ женщинѣ въ Средней Азіи всецѣло отдается бачѣ. Бачѣ представляется множество всякихъ соблазновъ: онъ—танцоръ, пѣвецъ, актеръ и наконецъ кокетливый хозяинъ въ лавкѣ своего содержателя. Вниманіе бачамъ оказываютъ не только обыкновенные смертные, но даже и мусульманскія власти, аксакалы, амлякдары, алшіи и т. д. При обращеніяхъ къ бачѣ всѣ говорятъ ему безусловно: *таксыръ* и *куллукъ*,—выраженія рабской покорности, равной по отношенію къ хану или эмиру. Только эти послѣдніе не говорятъ бачѣ приведенныхъ выраженій, считая себя *равными* съ развратнымъ мальчикомъ.

Каждый мало-мало зажиточный сартъ стремится содержать у себя бачу. Если у него одного не хватаетъ средствъ на это, то входитъ въ компанію съ сосѣдомъ, такъ что иногда 10, 15, 20 человѣкъ содержатъ *одного* бачу. Страсть къ бачамъ доводитъ часто среднеазіатцевъ до смертоубійствъ [62]). Изъ 123 престу-

[63]) Богатый ходжентскій сартъ Рахматулла ходжа нѣсколько лѣтъ жилъ съ бачей Фазылемъ. Сосѣдъ Рахматуллы по лавкѣ на базарѣ, также богатый сартъ Мирза Каримъ началъ настойчиво переманивать къ себѣ Фазыля

пленій по ходжентскому уѣзду за 1869—71 годы 25 преступленій были совершены изъ-за бачей и въ томъ числѣ 10 убійствъ и 14 грабежей. Иногда бѣдные среднеазіатцы отвращаются отъ гнусной проституціи съ бачами [63]), но чаще отцы и матери смотрятъ на развратъ своихъ сыновей, какъ на весьма выгодную статью дохода и наивно жалуются на аксакаловъ, стѣсняющихъ ихъ свободу. Въ Ходжентѣ одинъ отецъ жаловался, что его сыномъ пользуется не только его содержатель, но и всѣ родственники послѣдняго, не платя отцу никакихъ денегъ. Такая же жалоба была и въ Катта-Курганѣ. Иногда же отцы превращаютъ своихъ сыновей въ бачи [64]). У изнѣженныхъ и развращенныхъ среднеазіатцевъ бачество до того обычно, что встрѣчается даже между казіями (судья, дух. особа). Самые лучшіе и наиболѣе развитые люди не только имѣютъ бачей, но еще соперничаютъ другъ съ другомъ въ выборѣ болѣе красивыхъ бачей. Мы не разъ пытались выспросить у богатыхъ сартовъ, въ чемъ заключаются тайныя ихъ отношенія къ бачамъ, но всякій разъ

и съ этою цѣлію дарилъ ему разные подарки и деньги. Рахматулла предостерегалъ и угрожалъ Мирзѣ Кариму за его далеко несосѣдскія чувства къ чужому бачѣ. Но Мирза Каримъ продолжалъ соблазнять Фазыля и тотъ готовъ былъ измѣнить Рахматуллѣ. Когда Рахматулла замѣтилъ это, то убилъ въ ночь съ 26 на 27 іюня 1871 года своего непрошенаго соперника. — Въ томъ же Ходжентѣ туземецъ Шамси влюбился въ мальчика Шабыходжу, проживша го у своего родственника Миръ Аюба, который готовилъ мальчика въ муллы. Миръ Аюбъ совѣтовалъ и просилъ Шамси оставить ухаживанія за мальчикомъ, который бачей быть не можетъ, а Шамси сталъ еще настойчивѣе добиваться любви мальчика: онъ подкидывалъ къ мечети письма съ угрозами Миръ Аюбу, если онъ не выдастъ ему мальчика; упрашивалъ самого мальчика бѣжать отъ Миръ-Аюба и перейти къ нему; наконецъ грозилъ бѣдой и мальчику и его покровителю и заступнику. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Шамси убѣдился, что ему не придется соблазнить мальчика, пока живъ Миръ-Аюбъ; поэтому онъ въ ночь на 1 іюля 1871 г. убилъ Миръ-Аюба („Туркестан. Вѣд.“ 1874 г. № 7, ст. Проституція въ Средней Азіи“).

[63]) Въ 1869 году въ укр. Ура-Тюбе въ тюрьмѣ содержался сартъ, убившій своего собственнаго сына съ цѣлію избавить его отъ предстоявшаго ему позора сдѣлаться бачей богатаго и вліятельнаго развратника туземца („Турк. Вѣдом.“ 1874 г. № 7). Но такіе примѣры бываютъ весьма рѣдки, такъ что на нихъ можно указывать, какъ на исключенія.

[64]) „Вѣстникъ Европы“ 1875 г. кн XI, стр. 154, ст. Терентьева: „Туркестанъ и туркестанцы“.

замѣчали, что любители бачей стыдятся сознаться въ своемъ гнусномъ порокѣ. Они обыкновенно оправдывали свою страсть къ молодымъ мальчикамъ, сравнивая ее съ любовью европейцевъ къ цвѣтамъ, которые пріятно всегда имѣть передъ глазами. Но стоило только съ такимъ уклончивымъ собесѣдникомъ отправиться на туземный базаръ и попросить чаю въ такой лавкѣ, гдѣ есть бача, и убѣдиться, что притворщикъ совсѣмъ не владѣетъ собой при взглядѣ на бачу...

До сихъ поръ мы говорили исключительно о мусульманахъ мужскаго пола, почти совсѣмъ не касались мусульманскихъ женщинъ. Между тѣмъ положеніе мусульманской женщины до того безотрадно, что подобнаго трудно и представить. Еще самъ Мухаммедъ высказался въ Коранѣ отъ лица Божія, что женщины ниже мужчины, что мужья имѣютъ право удалять своихъ женъ отъ брачнаго ложа и наказывать, что онѣ по отношенію къ мужчинамъ пашня и т. д. [63]) Послѣдующая жизнь мусульманъ, основанная на приведенныхъ указаніяхъ Корана, унизила женщину еще болѣе, сдѣлала изъ нея животное существо, назначенное для удовлетворенія чувственныхъ пожеланій мужа, — его собственностію, которую онъ пріобрѣтаетъ за деньги и которою можетъ располагать какъ хочетъ. Униженіе женщины въ исламѣ проходитъ всюду систематически, какъ чисто въ бытовой, такъ и въ религіозной сферѣ: женщина не можетъ одновременно съ мужчинами находиться какъ въ обыкновенномъ обществѣ, такъ и въ молитвенныхъ собраніяхъ; жена безъ согласія мужа не можетъ совершать хаджъ (путешествіе въ священные города Мекку и Медину); жена не можетъ давать обѣтъ Богу на добровольный постъ, если мужъ того не желаетъ; въ свидѣтельскихъ показаніяхъ голосъ ея равняется только половинѣ голоса мущины; за нарушеніе супружеской вѣрности женщины должны быть наказываемы смертію. Словомъ: со дня рожденія чрезъ всю жизнь до самой смерти женщина унижена, лишена человѣческихъ правъ, отторгнута отъ общенія съ мущинами, провождая уединенную жизнь подъ вѣчнымъ гнетомъ деспотизма и ревности мужа. Исторія пред-

[63]) Гл. 2, ст. 228; гл. 4, ст. 38.

ставляетъ рѣзкіе примѣры того, какъ низко мусульмане разныхъ странъ смотрѣли на это прекрасное Божіе созданіе, на эту помощницу мужа, мать и воспитанницу будущихъ поколѣній. Въ Средней Азіи ихъ живыми зарывали въ землю или побивали камнями. Въ Константинополѣ и до сихъ поръ помнятъ такъ называемый *дѣвичій мысъ*, до нашихъ дней возбуждающій ужасъ по тѣмъ казнямъ, какія были совершены на немъ. Съ этого мыса женщинъ бросали въ море въ мѣшкахъ вмѣстѣ съ кошками. Въ первое время завоеванія Египта французами, въ концѣ прошлаго столѣтія, Наполеонъ предоставилъ управленіе Каирскою полиціею, янычарскому агѣ, въ рукахъ котораго она и прежде находилась. Чрезъ нѣсколько времени французскіе военные врачи узнали о распространеніи между солдатами сифилиса. Наполеонъ приказалъ агѣ принять мѣры къ уничтоженію этого зла, и ага въ этотъ же день арестовалъ 400 женщинъ, отрубилъ имъ головы и бросилъ ихъ трупы въ море. Наполеонъ сдѣлалъ ему выговоръ, но ага хладнокровно отвѣтилъ, что онъ исполнилъ законъ пророка [64]). Въ связи съ такимъ печальнымъ общественнымъ положеніемъ мусульманской женщины находится и ея умственное состояніе. По смыслу ученія Корана, мусульманская женщина осуждена на безграмотность и мухаммедане думаютъ, что она не можетъ постигать высокія истины религіи, что она недостойна ихъ, можетъ унижать эти истины, ронять ихъ величіе, какъ существо одаренное сравнительно съ мужчиною низшею душею,—и мухаммеданки привыкли уже смотрѣть на себя, какъ на существа низшія сравнительно съ мужчинами. Женщина существуетъ для мужа и должна сидѣть въ заперти. Если и позволяется ей выходить за порогъ дома, то подъ условіемъ закрытія своего лица и тѣла. Многоженство, дозволенное Кораномъ, заглушаетъ въ мухаммеданской женщинѣ всякое чувство самоуваженія. Въ глазахъ ея самой она ни что иное, какъ вещь нужная господину, которому она всячески должна угождать. Ей отказано въ правѣ на воспитаніе дѣтей своихъ: мальчика берутъ у нея послѣ 7-лѣтняго возраста, а дочь она обязана главнымъ образомъ научить, какъ угодить мужу. Незамужество считается порокомъ на Востокѣ, но выходить за мужъ

---

[64]) Клотъ Бей. т. 1. Рафаловичъ. Отеч. зап. 1849 г. т. 67.

мухаммеданкѣ часто приходится за того, кого она и не знаетъ. Въ ея разсчетъ не должно входить представленіе, что ей придется жить въ гаремѣ, въ этомъ скопищѣ брошенныхъ судьбою женщинъ на произволъ чувственнаго деспота, ласки котораго къ одной будутъ развивать чувство ревности въ другой. Исторія представляетъ много примѣровъ убійствъ, отравленій и всякихъ противоестественныхъ пороковъ, не говоря уже о ежедневныхъ ссорахъ обитательницъ гарема изъ-за ревности къ единому мужу. И мухаммеданка-женщина до того привыкла къ подобному образу жизни, что повидимому не обнаруживала желанія выдти изъ своего положенія. Мухаммеданка до того привыкла къ мысли о продажѣ себя своему мужу, что считала за честь, когда она стоила дороже. Но тѣмъ не менѣе и мусульманская женщина заявляетъ иногда протестъ противъ своего положенія... Чтобы лучше оберегать нравственность женщинъ, ихъ обыкновенно помѣщаютъ въ особыхъ постройкахъ, находящихся въ срединѣ прочихъ дворовыхъ построекъ и представляющихъ совершенно замкнутыя помѣщенія. Жены татаръ внутренней Россіи, подъ русскимъ вліяніемъ, пользуются еще нѣкоторою свободою. Въ Средней же Азіи женщина имѣетъ *свой* совершенно особый міръ, ведетъ *свою* замкнутую и монотонную жизнь, полную своихъ собственныхъ интересовъ, страшныхъ аномалій и болѣзненныхъ проявленій природныхъ инстинктовъ. Уже по этому можно судить, насколько обезпечено въ исламѣ умственное и нравственное развитіе женщины. Очевидецъ такъ описываетъ положеніе современной женщины въ Самаркандѣ: „Изгнанная изъ общества, зашитая въ своемъ несчастномъ дворѣ, съизмала веденная подъ строгимъ надзоромъ и колотушками старшихъ, неимѣвшая никакой воли, ни малѣйшей самостоятельности, и затѣмъ вдругъ, невѣдомо для нея, попавшая подъ деспотическую руку мужа, часто ей совершенно до того неизвѣстнаго, для котораго она должна была или играть роль забавы, или быть безотвѣтною работницей,—женщина должна была изуродоваться. Ея пылкому извращенному воображенію рисовались наслажденія невѣдомаго ей міра въ грандіозныхъ увлекательныхъ размѣрахъ; фантазія уносила ее въ нечеловѣческій міръ; понятія складывались дико, безобразно, узко, неестественно, интересы мельчали. И вотъ въ этихъ-то дворахъ пред-

полагаемаго цѣломудрія и высокой нравственности придумываются тысячи сказокъ, объясняющихъ дѣла міра; вырабатывается самая затѣйливая и многосложная сплетня о сосѣднихъ дворахъ; изобрѣтаются хитрости, прикрывающія любовныя связи на сторонѣ, и наконецъ является та болѣзненная раздражительность, которая прибѣгаетъ къ дикому искусству неестественнаго удовлетворенія половыхъ инстинктовъ [65]). Женщина преслѣдуется, наказывается [66]) за всякую попытку быть хоть немного самостоятельною, и по этому она выучивается лжи, коварству, лицемѣрію; должна стоять вѣчно на сторожѣ; если въ ней осталось хоть малѣйшее желаніе быть свободной, должна тщательно прятать часть тайкомъ заработанныхъ денегъ и т. д., словомъ въ ней являются всѣ тѣ пороки, которые неминуемы при такой системѣ замкнутости и забитости" [67]). Положеніе женщинъ въ Турціи, въ Хивѣ и Бухарѣ еще печальнѣе; гаремная жизнь ихъ всѣмъ извѣстна достаточно и говорить о ея противоестественности мы считаемъ излишнимъ [68]). А если такъ, если женщина унижена даже въ своемъ углу, въ семьѣ, если она не принимаетъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ и семейныхъ, то и семья у мусульманъ не можетъ достигнуть правильнаго положенія и правильныхъ отношеній съ общественною жизнію; воспитаніе и образованіе дѣтей, а затѣмъ и вся общественная жизнь мусульманъ получаетъ иное значеніе, иную душу, далеко не либеральнаго характера.

---

[65]) Насъ увѣряли, что мусульманскія женщины предаются всѣмъ неестественнымъ порокамъ, какимъ предаются мужчины и особенно онанизму. Въ тоже время онѣ часто поддаются чувству ревности, и нерѣдко рѣшаются на тайныя и явныя убійства въ сообществѣ съ своими любовниками.

[66]) Да и какъ жестоко наказывается! Одной серпомъ порѣзываетъ мужъ въ дракѣ руку; другой мужъ пробиваетъ голову женѣ; третью мужъ держитъ въ кандалахъ, которыя растираютъ ей руки и ноги; четвертый выжигаетъ раскаленнымъ желѣзомъ дѣторождныя части у двухъ своихъ женъ; пятый наконецъ совсѣмъ убиваетъ жену свою за то, что она не такъ нѣжно любитъ его, какъ покойнаго его брата, съ которымъ она была въ замужествѣ до этого. Вѣстникъ Европы 1875 г. кн. XI, ст. 149, ст. Терентьева: „Туркестанъ и Туркестанцы".

[67]) Бесѣда 1872, кн. VIII. Августъ. Внутреннее обозрѣніе. „Самаркандъ" стр. 38.

[68]) См. гл. IV соч. М. Маманова: „Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ". (Казань. 1876).

Было бы весьма любопытно знать при настоящемъ вопросѣ статистику преступленій у мусульманъ, но къ сожалѣнію статистическія данныя подобнаго рода не собраны и мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только немного такихъ матеріаловъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Риттихомъ въ Казани, оказывается, что въ 1861 году преступленія татаръ составляли преобладающую цифру въ общей суммѣ преступленій [69]), а въ 1869 и 1868 годахъ преступленія татаръ не только превышали своимъ числомъ преступленія русскихъ, но и постепенно увеличивались, тогда какъ у русскихъ они уменьшились въ числѣ Такъ въ 1867 году преступленія у русскихъ относились ко всему населенію, какъ 1 къ 370, а у татаръ какъ 1 къ 219. Въ 1868 году преступленія у русскихъ уменьшились и относились ко всему населенію, какъ 1 къ 446, а у татаръ увеличились и относились ко всему населенію какъ 1 къ 154. Это дало поводъ г. Риттиху высказать, что татары въ продолженіе своего 300-лѣтняго подданства Россіи усвоили очень мало такого, что приблизило бы ихъ къ современнымъ потребностямъ вѣка, а примѣръ отдѣльныхъ личностей изъ татаръ остался безъ подражанія. Ложно понятая мысль о вѣротерпимости утвердила и распространила мусульманство больше, чѣмъ это было во время казанскаго царства [70]). Въ настоящее время, по собираемымъ статистическимъ даннымъ о грамотности татаръ, становится очевиднымъ, что Казань составляетъ до сихъ поръ центръ умственнаго и религіознаго развитія татаръ внутренней Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ татары, продолжаетъ Риттихъ, отреклись отъ всякаго умственнаго движенія и сдѣлались гораздо менѣе производительны, чѣмъ въ давно былое время; не желая признавать превосходства русскихъ надъ собою, татары не могутъ сочувствовать тѣмъ нововведеніямъ, которыя клонятся къ общему спокойствію и благосостоянію. Въ доказательство этой мысли Риттиха можно указать на тотъ между прочимъ фактъ, что муллы казанскаго и оренбургскаго края весьма неохотно соглашаются на введеніе въ своихъ школахъ преподованія русскаго языка, открывающа-

---

[69]) Казан. губерн. вѣдомости 1861 г. № 37, стр. 533.

[70]) Риттихъ. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань. 1870.

го дверь къ русской письменности и къ нравственному сближенію съ русскимъ народомъ, потому что русскіе *невѣрные* (кяфиръ) и наука русская преслѣдуетъ земныя цѣли, тогда какъ мусульманская наука занимается вопросами небесной жизни [70]). О туземцахъ-мусульманахъ ходжентскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области Туркестанскаго края извѣстно, что въ 1869 году у нихъ было предъявлено суду 21 преступленіе; въ 1870 году число предъявленныхъ суду преступленій болѣе чѣмъ утроилось, возросли до 71; въ слѣдующемъ затѣмъ 1871 году до Іюля мѣсяца преступленій было обнаружено у нихъ 31; слѣдовательно къ концу года могло быть 62 [81]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣйствительности число преступленій по ходжентскому уѣзду, заселенному 1,382 юртовладѣльцами и 13,996 домовладѣльцами, при 75,819 д. обоего пола считая приблизительно въ каждой юртѣ и въ каждомъ домѣ по пяти человѣкъ [82]), слишкомъ мало отвѣчаетъ дѣйствительности, что во всякомъ случаѣ надо объяснять боязнью туземцевъ заявлять свои претензіи русскому суду и желаніемъ укрываться отъ преслѣдованій его. Но важно уже то, что за указанный трехлѣтній періодъ (1869—1871) число преступленій ходжентцевъ возрасли вдвое-втрое... О туземцахъ кураминскаго уѣзда, населеннаго приблизительно 286,034 д. обоего пола, или 40,862 дворовъ и кибитокъ [83]) извѣстно, что въ 1870 году всѣхъ дѣлъ, по уѣзду рѣшенныхъ казіями и біями, было 1213. Въ числѣ этихъ дѣлъ было 478 по долговымъ обязательствамъ, 229 дѣлъ по расторженію браковъ, 185 дѣлъ по кражамъ, 110 дѣлъ по тяжбамъ и наслѣдствѣ, 84 дѣла по нарушенію договоровъ о сватовствѣ, 55 дѣлъ по поземельнымъ спорамъ, 45 дѣлъ по личнымъ оскорбленіямъ, 22 дѣла по потравѣ хлѣба и 5 дѣлъ по убійствамъ [84]). По этимъ даннымъ можно отчасти судить о числѣ и

---

[70]) Туркестан. Вѣдом. 1874 г. № 7, стр. 27.

[81]) Наука у русскихъ для здѣшней лишь жизни; наука муслимовъ для будущей жизни" Саблуковъ. Сличеніе мохамед. ученіе о именахъ божіихъ съ христіан. о нихъ ученіемъ. Казань. 1872 г. стр. 14).

[82]) Ежегодникъ. Матеріалы для статистики Туркестан. края. Издан. подъ редакціей Н. Маева. Вып. 1, Спб. 1872, стр. 120 и 6.

[83]) Тамъ же, стр. 120 и 24.

[84]) Вѣстникъ Европы 1875 г. кн. XI, стр. 144, ст. Терентьева: „Туркестанъ и туркестанцы".

характерѣ преступленій у татаръ и мусульманъ средней Азіи, хотя было бы въ высшей степени интересно изслѣдовать этотъ вопросъ обстоятельно, для чего къ сожалѣнію данныхъ не опубликовано. На основаніи общихъ отзывовъ заслуживающихъ полнаго довѣрія лицъ о туземцахъ-мусульманахъ средней Азіи и на основаніи собственныхъ нашихъ наблюденій надъ жизнію и характеромъ разныхъ инородческихъ племенъ мусульманскаго населенія средней Азіи, можно безошибочно утверждать только одно, что таджики и сарты представляютъ собою самыхъ испорченныхъ нравственно жителей Туркестана, хотя они несравненно болѣе, чѣмъ узбеки и киргизы, окрѣпли въ политическихъ и религіозныхъ правилахъ ислама и могутъ считаться истинными представителями среднеазіатской мусульманской культуры. Нужно сказать даже болѣе: таджики и сарты, какъ болѣе развитые умственно и политически, но испорченные нравственно, пагубно вліютъ на своихъ менѣе развитыхъ, болѣе простодушныхъ единовѣрцевъ, такъ что въ Кульджинскомъ районѣ Семирѣченской области, вдали отъ осѣдлаго центральнаго таджикскаго и сартскаго населенія, мусульмане таранчи и дунгане несравненно нравственнѣе, чѣмъ даже сыръ-дарьинскіе узбеки и киргизы, если судить о нравственности первыхъ по числу ихъ преступленій. За 1874—1879 годы среди таранчей было всего 21 убійство, 15 кражъ, 10 грабежей, 2 нарушенія правъ семейныхъ, 12 случаевъ неповиновенія властямъ, подкоповъ тюремъ и побѣговъ, 2 самоубійства и 2 поджога. За тѣ же шесть лѣтъ между дунганами было 12 убійствъ, 1 кража, 5 разбоевъ и грабежей и 2 случая неповиновенія властямъ, подкоповъ тюремъ и побѣговъ изъ тюремъ. При этомъ очень любопытно то обстоятельство, что среди мѣстныхъ киргизъ, менѣе таранчей и дунганъ пропитанныхъ исламомъ, за то же время было всего 6 убійствъ, 4 разбоя и грабежей и 1 кража [75]). Не нужно ли заключить отсюда, что киргизы *вездѣ* болѣе нравственны, чѣмъ ихъ сосѣди, осѣдлые и грамотные мусульмане и что подъ вліяніемъ просвѣщенныхъ своихъ единовѣрцевъ они становятся менѣе нравственны? И это понятно, потому что фарисейски-обрядовое благочестіе мусульманъ притупляетъ въ нихъ непосредственное нравственное чувство

[75]) Туркест. Вѣдом. 1880 г. № 14, стр. 54, ст. „Изъ Кульджи".

чувство и тѣмъ болѣе вредно дѣйствуетъ на неиспорченное человѣческое сердце, что шаріатъ въ точномъ выполненіи всѣхъ мелочей безжизненнаго религіознаго мусульманскаго обряда полагаетъ все благочестіе человѣка, все его спасеніе и благоугожденіе Богу. При такомъ отношеніи мусульманъ къ дѣламъ благочестія и нравственности, внутреннія расположенія ихъ во время молитвы, поста и пр. почти совершенно остаются въ сторонѣ или же имѣютъ значеніе второстепенное. Благочестивый по шаріату мусульманинъ скорѣе согласится обидѣть человѣка, особенно иновѣрца, обмануть его, причинить ему какой-нибудь вредъ, чѣмъ дозволить себѣ какое-либо запрещенное шаріатомъ дѣйствіе или подвергнуть себя опасности быть нечистымъ внѣшне, съ точки зрѣнія обрядоваго закона. Посмотрите, съ какимъ страхомъ и стараніемъ отпрыгиваетъ мусульманинъ въ сторону, когда видитъ, что можетъ обрызгать свой халатъ или даже сапоги мочею животныхъ во время ихъ испражненій на улицѣ; посмотрите, какъ тщательно избѣгаетъ онъ во время поста возможности даже нюхать запахъ табаку или какъ старательно обманываетъ свой голодный желудокъ, развлекая себя прогулками по шумнымъ улицамъ, слушаніемъ возбудительныхъ разсказовъ и азартными играми, лишь бы дотерпѣть до вечерней поры и не соблазниться поѣсть; съ какимъ ужасомъ бѣжитъ онъ въ сторону и старается не глядѣть на свинью; съ какою видимою важностію, но совершенно бездушно отсчитываетъ онъ разные поясные и земные поклоны во время намаза, съ какою мелочною точностію выполняетъ въ Меккѣ, вовремя хаджа, всѣ обряды, указанные шаріатомъ, хотя иные изъ нихъ просто смѣшны... Словомъ: въ этихъ обрядахъ, въ точномъ выполненіи всѣхъ ихъ подробностей благочестивый мусульманинъ прежде всего полагаетъ свое спасеніе и нравственное совершенство и поступаетъ такъ во всѣхъ случаяхъ своей однообразной бездушной религіозно-нравственной жизни, потому что слѣпо вѣруетъ во всѣ тѣ многоразличныя и невѣроятныя награды, какія обѣщаютъ ему благочестивые авторы мусульманскихъ нравоучительныхъ сказаній и разсужденій. Даже чтеніе Корана, этого превосходнѣйшаго по ихъ вѣрованію откровенія Божія, сопряжено у мусульманъ главнымъ образомъ и прежде всего съ точнымъ выполненіемъ всѣхъ правилъ чтенія этой священной книги.

Благочестивый мусульманинъ, по прочтеніи Корана, молитъ Бога о прощеніи ему не мыслей и чувствъ, недостойныхъ слова Божія, а ошибокъ языка, случившихся при чтеніи, неправильнаго произнесенія словъ, удлиненія или укороченія слоговъ, неправильныхъ остановокъ во время чтенія и т. п. Все это изложено въ особой, составленной спеціально для читателей Корана молитвѣ, которая приписывается въ концѣ Корана и читается по прочтеніи книги. Вслѣдствіе такого взгляда мусульманскаго закона на нравственную сторону благочестивыхъ упражненій мусульманъ, которая считается менѣе важною, чѣмъ обрядъ, входящій въ самое упражненіе, всѣ религіозныя обязанности мусульманъ являются не свободными нравственными подвигами, а повинностями, которыя необходимо отбывать точно и неуклонно, въ положенное время и строго установленнымъ порядкомъ.

Относясь такъ своеобразно къ выполненію религіозныхъ обязанностей, мусульмане часто прикрываются обрядами для удобнѣйшаго достиженія своихъ нерелигіозныхъ цѣлей. И въ этомъ случаѣ съ міянами сходятся ихъ духовные руководители: имамы, казыи, шейхи, ишаны и муфтіи. Шеихъ знаменитой мечети въ г. Туркестанѣ, святоша по наружности и большой богачъ эксплуатируетъ громадные доходы мечети въ свою пользу, а ремонтъ зданія видимо рушающагося предоставляетъ усердію прихожанъ. Въ бытность свою въ г. Туркестанѣ въ началѣ іюня 1879 года мы не безъ любопытства узнали, что одинъ бѣднѣйшій прихожанинъ копѣйками и крохами собираетъ пожертвованія на оштукатурку купола мечети, имѣющій видъ безобразно жалкій. На скопляющіеся у бѣдняка рубли онъ покупаетъ алебастру и замазываетъ такую часть купола, на какую достаетъ у него матеріала. Такимъ образомъ когда-то весьма красивый и величественный куполъ мечети является теперь громадною массою, неискусно покрытою по мѣстамъ алебастромъ, какъ бы заплатами изъ грязныхъ тряпицъ. Такому жалкому наружному виду знаменитаго священнаго зданія временъ Тамерлана вполнѣ отвѣчаетъ внутренняя нечистота и даже грязь зданія: полъ плохо выметенъ, а во многихъ комнатахъ загрязненъ разными нечистотами; отдѣлка стѣнъ давно лупится и не поддерживается; по обширному двору, окружающему мечеть, валяется въ иныхъ мѣстахъ даже падаль; ограда представляетъ полное разрушеніе

и запустѣніе... Между тѣмъ доходы этой мечети, составляющіеся изъ разныхъ пожертвованій и денегъ за право погребенія при мечети и т. п. простираются, говорятъ, до 18000 рублей. Даже немусульманину грустно смотрѣть на такое жестокое небреженіе столь величавымъ зданіемъ, которое хладнокровно переноситъ презрѣніе къ себѣ со стороны представителей мусульманскаго закона и вѣры и безъ укоризнъ указываетъ каждому путешественнику на алчность богатаго шейха. Можно надѣяться, что этотъ гордый колоссъ, презирающій теперь невниманіе къ себѣ, когда-нибудь также хладнокровно придавитъ своей массой тѣхъ, которые не хотятъ почитать его старости и святости, а только издѣваются надъ его терпѣніемъ. Въ настоящее время любознательному путешественнику остается только своимъ воображеніемъ рисовать всю прелесть и величавость древней постройки, красота и громадность которой были вѣроятно тѣмъ изумительнѣе, что сосѣднія лачужки составляли невообразимый контрастъ съ своимъ покровителемъ-великаномъ. Серьёзному наблюдателю становится еще отвратительнѣе, когда онъ въ прислужникахъ и охранителяхъ этой святыни видитъ только одно желаніе—получить подачку (10—20 коп.) и казаться благочестивымъ. Васъ провожаетъ цѣлая толпа оборванцевъ, изъ которыхъ сѣдобородые нерѣдко глубоко вздыхаютъ, а потомъ превращаются въ совершенныхъ мальчишекъ, когда придетъ время дѣлить денежную подачку невѣрнаго. Не нужно больше распространяться на эту тему, потому что каждый можетъ представить себѣ, въ чемъ дѣло... Но мы позволяемъ себѣ здѣсь замѣтить, что грубыя отношенія мусульманъ къ своимъ святынямъ неизмѣримо превосходитъ все, что приходится слышать иногда о русскихъ монахахъ; такой грязи, такого невѣжества и ханжества мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали ни въ одномъ русскомъ монастырѣ, а о запущеніи зданія и говорить нечего...

Подобно туркестанской мечети и древнія постройки Самарканда, не менѣе знаменитыя и священныя для мусульманъ, находятся также въ страшномъ запущеніи. Никто не заботится объ ихъ поддержкѣ и благолѣпіи. Часть этихъ зданій представляютъ уже развалины, окруженныя грудами мусора. Лучшія части годнаго матеріала разбираются туземцами на свои надобности и не рѣдкость встрѣтить глазированный кирпичъ мечети

не въ стѣнѣ сакли, а хуже — въ стѣнѣ глинобитнаго забора и даже хлѣва. Уцѣлѣвшія части зданій грозятъ каждую минуту паденіемъ: съ замираніемъ сердца приходится пройти подъ сводомъ такихъ зданій... Болѣе уцѣлѣвшія постройки также жалки и опасны, тѣмъ болѣе что угрозы ихъ раздавить любопытствующаго не такъ очевидны. Украшенія внутреннія и наружныя давно до такой степени изветшали и разрушились, что трудно во многихъ мѣстахъ даже догадаться объ общихъ чертахъ рисунка. Слушая разсказъ туземца о томъ напримѣръ, что медресе *Ширъдаръ* такъ названо потому, что на лицевой сторонѣ его изображены львы, преслѣдующіе ланей и окруженные солнцемъ, вы просто недоумѣваете, гдѣ же эти изображенія, и когда вамъ укажутъ на мѣста изображеній, вы съ большимъ напряженіемъ для своего воображенія догадаетесь о присутствіи остатковъ когда-то очень яркихъ и отчетливыхъ изображеній. Дворы, а особенно кровли этихъ зданій грязны до невозможности. Въ мартѣ 1878 года мы были просто поражены и возмущены, когда собственными глазами увидѣли, что надутые религіозные лицемѣры и книжники мусульманскіе—стыдно сказать—открыто испражняются на кровляхъ тѣхъ самыхъ величественныхъ зданій, которыми подъ часъ они такъ гордятся... Намъ будетъ понятно отчасти такое странное положеніе дѣлъ, если мы представимъ себѣ, что самаркандскіе шейхи, имамы, муллы и казыи смотрятъ на каждое священное мѣсто, какъ на выгодную статью дохода, которую они стараются эксплуатировать въ свою личную пользу самымъ неразсчетливымъ образомъ. Подобно неразумно-скупому домохозяину, мусульманскіе хозяева святынь стараются извлечь поскорѣе какъ можно наиболѣе выгодъ для себя, а о томъ, что доходная статья ихъ годъ отъ году приходитъ въ упадокъ и раззореніе, они не думаютъ... „Лишь бы на мой вѣкъ хватило, а мой преемникъ будетъ промышлять о себѣ самъ“, думаютъ эти мудрые святоши. И они обыкновенно только до тѣхъ поръ живутъ у гробницъ своихъ святыхъ предковъ, пока имя святаго имѣетъ обаяніе для массы и доставляетъ доходъ; уменьшились доходы—отъ гроба святаго предка, сократился штатъ охранителей священнаго мѣста, а затѣмъ они и совсѣмъ разбѣгаются, потому что нечѣмъ болѣе имъ промышлять...

И не только непредвидѣнные, добровольные доходы отъ разныхъ посѣтителей гробницъ святыхъ, а и постоянные оклады, назначаемые прямо на исправленіе и поддержку священныхъ зданій, идутъ въ карманы тѣхъ, кто получаетъ эти деньги. А выпрашивать у посѣтителей деньги всѣ эти благочестивые потомки знаменитыхъ святыхъ ислама умѣютъ очень настойчиво и забавно. Когда намъ вздумалось осмотрѣть систему построекъ, извѣстныхъ подъ именомъ *Шахъ-зинде* и мы отправились туда въ сопровожденіи небольшаго мальчугана туземца, указавшаго только дорогу къ этой знаменитой постройкѣ, то намъ пришлось израсходывать всю серебряную мелочь (рублей около двухъ), какая была въ карманѣ. На порогѣ входнаго крыльца насъ окружили человѣкъ шесть охранителей святыни и всѣ разомъ сочли нужнымъ сопровождать насъ. Было и жутко и забавно. Одинъ идетъ впередъ, двое почти рядомъ, одинъ готовъ каждую минуту помочь намъ поднять свое туловище на ступеньки длиннѣйшей лѣстницы, одинъ наконецъ несъ наши галоши. Добравшись по ступенямъ этой лѣстницы до главнаго зданія, мы замѣтили еще двухъ пожилыхъ мусульманъ, которые сейчасъ совершили за здоровье посѣтителя краткую молитву и потребовали платы за свой трудъ. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по мечети, мы должны были снова остановиться, чтобы принять новую молитву благожелателей и уплатить за нее. Около михраба, какъ главнаго священнаго мѣста мечети, была новая остановка съ платою. Наконецъ около двери отдѣляющей гробницу святаго отъ мечети присѣли на молитву всѣ сопровождавшіе насъ и пришлось расплатиться съ каждымъ изъ молитвенниковъ отдѣльно. На обратномъ пути тѣ же остановки и та же расплата. Вздумалось намъ взлѣсть въ боковую постройку, ничѣмъ незамѣчательную; насъ подсадили туда и ссадили оттуда, — опять расплата. По окончаніи дорогаго своего путешествія, при выходѣ съ наружнаго крыльца, намъ пришлось еще разъ расплатиться за прощальныя благожеланія... Карманъ нашъ опустѣлъ и мы жалѣли, что не были знакомы ранѣе съ пріемами и манерами выпрашиванія мусульманскихъ святошей,—жалѣли, что не запаслись вмѣсто 20-ти-копѣечниковъ двухъ-копѣечниками. Долго послѣ того мы съ удовольствіемъ припоминали всѣ подробности своего путешествія на поклоненіе къ мусульманскому святому,

гробницы котораго такъ-таки и не видѣли, потому что ведущую въ склепъ мелко-рѣзную дверь намъ не отворили сразу, а торговаться и не хотѣлось уже и казалось неудобнымъ, дорого стоющимъ.

Не знаемъ, какъ судить о томъ фактѣ, что охранители гробницы Ходжи-Ахрара въ Самаркандѣ охотно продали русскимъ древній списокъ Корана, принадлежавшій халифу Осману и запятнанный его кровію, за сто рублей. Было ли это слѣдствіемъ невѣжества, неумѣющаго цѣнить такую рѣдкую рѣдкость и святыню; было ли это слѣдствіемъ страха передъ новою грозною русскою властію, отказать желанію которой боялись напуганные самаркандцы; или наконецъ это было слѣдствіемъ одной алчности при представленіи такой крупной суммы, какъ сотня русскихъ рублей, какъ думаетъ г. Гребенкинъ. Мы думаемъ, что въ описанномъ случаѣ самаркандскими шейхами руководило и то и другое и третіе, но едвали одно послѣднее побужденіе. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ характеренъ до мусульманскаго благочестія, неумѣвшаго и нехотѣвшаго отстоять свой интересъ предъ иновѣрною властію, которая, безъ сомнѣнія, не позволяла себѣ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ религіозныхъ въ первые дни своего господства надъ городомъ, какъ не позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла вѣры мусульманъ даже въ настоящее время, спустя десять слишкомъ лѣтъ по завоеваніи Самарканда. А предполагать, чтобы самаркандцы, уступая свой знаменитый Коранъ русскимъ вмѣстѣ съ другимъ меньшимъ, но также древнимъ спискомъ его, имѣли въ виду интересы оріентальной науки, совершенно нѣтъ основаній, потому что самаркандскіе муллы, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ отъ нихъ, оказываются большими невѣждами. Даже Коранъ и шаріатъ маломало знаютъ только одни муфтіи, потому что въ этомъ ихъ профессія, ихъ хлѣбъ. На всѣхъ своихъ кладбищахъ самаркандцы насчитываютъ болѣе 6000 святыхъ, но ничто такъ небрежно не содержится въ Самаркандѣ, какъ наполненныя прахомъ святыхъ кладбища, которыя даже и не огорожены. Не лучше содержатся постройки надъ прахомъ святыхъ въ Ташкентѣ и въ другихъ городахъ туркестанскаго края, напр. въ Ауліэ-ата, въ Зенеи-ага и т. д. По отзыву г. Гребенкина, разбогатѣвшіе купцы строятъ мечети и медресе исключительно изъ тщеславія, чтобы

84

о строителяхъ подольше говорили потомъ въ народѣ, чтобы народъ относился къ строителямъ съ уваженіемъ, чтобы духовенство сдѣлалось ихъ друзьями, чтобы ихъ торговыя операціи сдѣлались устойчивѣе, а чиновныя лица оказывали бы имъ вниманіе и снисхожденіе. Всѣ такія постройки располагаютъ обыкновенно въ пользу строителей общественное мнѣніе.

Представители ислама, распредѣляющіе между собою праздничные денежные сборы (во время Курбанъ байрама и Руза'антъ), напоминая другъ другу свою генеалогію, заботятся не о долгѣ справедливости, не о чести, не о помощи нуждающимся, а о своихъ личныхъ интересахъ, изъ-за которыхъ они готовы сбросить съ себя напускное благочестіе и превратиться изъ шейха въ полицейскаго чиновника, изъ казыя въ сборщика податей, изъ раиса въ палача. Знатный шейхъ охотно вызовется быть шпіономъ, предателемъ своихъ же сородичей, если ему пообѣщаютъ оставить за нихъ главенство въ дѣлежѣ доходовъ мечети, славной именемъ святаго, похороненнаго въ ея стѣнахъ. Ученый казый, постоянно жалующійся на незначительность доходовъ отъ своей религіозно-административной практики, просіетъ до отвратительнаго униженія цѣлованія руки, когда предложатъ ему исполненіе обязанностей сборщика податей, хотя это будетъ противно шаріату. Благочестивый суфи, мулла, имамъ, ишанъ охотно согласятся быть разсыльными за нѣкоторое вознагражденіе. Мусульманскій юриспрудентъ-муфтій, когда его попросятъ, да еще пообѣщаютъ вознагражденіе, безъ труда подыщетъ такое толкованіе закона, которое будетъ нужно его просителямъ [77]), торговецъ постарается приписать своему кредитору лишнее и будетъ потомъ упрашивать его надбавить ему что нибудь для будущаго знакомства. Вашъ знакомый, прихвальнувшійся при случаѣ своимъ богатствомъ, не постыдится придти къ вамъ съ какимъ нибудь подаркомъ, въ надеждѣ получить отдарокъ во всякомъ случаѣ превышающій стоимость его непрошеннаго дара. Бѣднякъ, совершенно вамъ незнакомый, поразитъ васъ, заявившись къ вамъ съ предложеніемъ принять отъ него пятокъ яблокъ, или десятокъ грушъ, или фунтъ вино-

[77]) Ср. Вѣстникъ Европы 1875 г. кн. XI, ст. Терентьева: „Туркестанъ и Туркестанцы".

града, или же наконецъ десятокъ-полтора тоненькихъ деревянныхъ спичекъ для ковырянія въ зубахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разсчетъ у мусульманина вѣрный — получить отдарокъ, несравненно превышающій его даръ, или же расположить къ себѣ нужнаго человѣка на всякій случай. Процентщикъ, открывая свою дѣятельность, запрещенную Кораномъ, напередъ уже предвкушаетъ удовольствіе выжимать безбожные проценты у людей застигнутыхъ нуждой. Достаточный земледѣлецъ держитъ своего работника въ постоянной и тяжелой кабалѣ, платитъ ему незначительное жалованье, а при расплатѣ постарается укорить его въ нерадѣніи и съ презрѣніемъ выброситъ причитающіеся ему деньги. Отецъ безъ стыда и опасенія за свою честь продаетъ своего красиваго сына малолѣтка богатому развратнику въ бачи; отцы, матери и братья не стѣсняются жить въ домахъ терпимости около своихъ дочерей, промышляющихъ своей дѣвичьей честью, будучи часто запроданы родными содержателю такого дома; мужья не только не преслѣдуютъ своихъ женъ за распутство, а нерѣдко сами указываютъ имъ на безнравственныя средства къ жизни, сами сдаютъ ихъ въ дома терпимости на время, или совершенно отчуждая отъ себя, и все это дѣлается формально чрезъ казыя. Наконецъ имамы торгуютъ своимъ благочестіемъ, своею мнимою преданностію законамъ вѣры и своимъ прямымъ или косвеннымъ родствомъ съ основателемъ ислама, а ишаны, распространяя исламъ среди мало просвѣщенныхъ въ религіозномъ отношеніи киргизъ, хлопочатъ только о томъ, чтобы утучнить свое тѣло и разбогатѣть. Разъѣзжая по обширнымъ киргизскимъ степямъ, они часто возвращаются домой съ цѣлыми караванами всякаго добра и совершенно счастливыми отъ блестящихъ успѣховъ своей миссіонерской дѣятельности. Невольно становится грустно за этихъ добрыхъ дѣтей природы, такъ нагло эксплуатируемыхъ мусульманскими святошами, обираемыхъ и отупляемыхъ разными проходимцами-сартами и татарами [78]). Положеніе киргизъ находящихся въ настоящее время въ переходномъ бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи тѣмъ болѣе жалко, что си-

[78]) Туркестан. вѣдомости 1880 г. № 3, ст. Арендаренко: „Между туземцами степнаго уѣзда.

лою обстоятельствъ они затягиваются въ сѣти ислама все сильнѣе и сильнѣе и что пауками, разставляющими для киргизъ эти сѣти, являются такіе дурные искалѣченные мусульмане, каковы сарты и таджики, которымъ дружно помогаютъ въ своихъ интересахъ разные россійскіе выходцы, вторые жиды, — татары. Вотъ что говоритъ на эту тему человѣкъ нѣсколько пристрастный къ умственному и нравственному превосходству сартовъ надъ киргизами. Сарты передаютъ киргизамъ не только чисто экономическія бытовыя знанія, но и грамотность и религіозность, которыя представляютъ собою два фактора огромной важности. „И такое вліяніе на киргизъ сродственнаго племени, сосѣда и учителя во всѣхъ отношеніяхъ, есть, по словамъ приводимаго нами автора, одно изъ самыхъ глубокихъ, коренныхъ и неотразимыхъ. Вряд ли съ этой силой сможетъ бороться русское вліяніе, если оно пожелало бы непосредственно дѣйствовать на нетронутую и чистую натуру киргиза. Первая сила въ дѣлѣ вліянія цивилизующаго—это, безъ сомнѣнія. экономическая жизнь, умѣнье пользоваться силами мѣстной природы. Русская жизнь и русская культура здѣсь [87]) совершенно посторонняя, такъ сказать. Мы здѣсь или служимъ, получая за это деньги, или торгуемъ. Ремесла наши ничтожныя приспособлены къ потребностямъ этой же дорогой жизни служащихъ или къ военнымъ цѣлямъ. Собственно русской сельской колонизаціи здѣсь нѣтъ, или же она черезъ-чуръ слаба со своими пріемами и знаніями. Такимъ путемъ мы являемся здѣсь только потребителями покуда. Сартъ же, этотъ коренной сельскій хозяинъ, умѣющій съ такимъ упорнымъ трудомъ и вѣками пріобрѣтеннымъ знаніемъ приспособляться къ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ,—онъ представляетъ сильную массу; въ его распоряженіи языкъ и экономическая производительность страны, чего у русскихъ нѣтъ. И съ этими-то могучими орудіями проникаетъ онъ первымъ туда, гдѣ въ нѣсколько лѣтъ единственному русскому доведется проѣхать съ какими либо частными, спеціальными цѣлями... Очевидно, что за этимъ сартомъ должна остаться и побѣда“.

Можно долго спорить, продолжаетъ авторъ, о томъ: хорошо

[87]) Т. е. въ Туркестанскомъ краѣ.

или нѣтъ это для будущности края, но во всякомъ случаѣ факты говорятъ за то, что если русской цивилизаціи суждено проникнуть къ киргизамъ, то это произойдетъ только чрезъ сартовское населеніе. Въ непосредственное же вліяніе плохо вѣрится"... [80]) Не мѣсто разсуждать намъ здѣсь на тему цитируемаго автора, котораго мы не намѣрены ни защищать, ни опровергать. Для насъ достаточно сказать, что въ виду изложеннаго нравственнаго и религіознаго характера сартовъ, очень грустно представлять себѣ многочисленный и неиспорченный еще киргизскій народъ долженствующимъ пройти школу религіозно-нравственнаго вліянія сартовъ и кончить тѣмъ же, до чего дошли въ теченіе вѣковъ сарты, потому что разъ киргизы укоренятся въ исламѣ въ сартской его формѣ,—возврата для нихъ уже не будетъ: они нравственно загніютъ и сгніютъ подобно сартамъ... Очень жаль и грустно, сознавая безсиліе русскихъ помочь дѣлу.

—

Характеристика наша окончена. На сколько она полна и закончена, пусть судятъ читатели, которымъ мы старались дать находившійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ. Въ заключеніе мы считаемъ нелишнимъ указать кратко на причины тѣхъ ненормальностей въ религіозно-нравственной жизни мусульманъ, на которыя мы указывали въ статьѣ. Намъ могутъ замѣтить, что собственно ученіе Корана отнюдь все-таки не повинно въ описанныхъ ненормальностяхъ, что начертанный въ Коранѣ идеалъ религіозно-нравственной жизни мусульманъ тутъ не при чемъ. Такъ многіе и убѣждены и хотятъ съ своей стороны убѣдить другихъ, что ученіе Корана и вообще ислама есть нѣчто дѣйствительно возвышенное и даже оригинальное; другіе же, недостаточно и односторонне вникая въ суть дѣла, подыскиваютъ объясненіе ненормальностямъ религіозно-нравственной жизни мусульманъ въ бытовыхъ условіяхъ жизни мусульманъ. Г. Гребенкинъ напримѣръ, на статью котораго „Таджики" мы часто ссылались, говоритъ, что чистаго по-

[80]) Туркест. вѣдом. 1880 г. № 13, ст. Иванова: „Поѣздка въ Алатау въ 1879 году."

клоненія идеямъ Мухаммеда не существуетъ въ современной массѣ среднеазіатскихъ мусульманъ, что деспотизмъ управителей, система шпіонства, произволъ второстепенныхъ чиновниковъ и безпощадныя казни рѣзко повліяли на характеръ таджиковъ, на ихъ честность, нравственность и т. п. Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирахъ, пріучилъ ихъ хладнокровно относиться къ жизни, а пытки и истязанія притупили у нихъ чувство и т. п. [81]) Мы замѣтимъ по этому случаю, что всѣ указываемыя г. Гребенкинымъ ненормальности управленія эмировъ, если не всегда прямо, то косвеннымъ образомъ обусловлены Кораномъ, установившимъ въ главномъ способъ управленія и расправы, а еще болѣе основаннымъ на Коранѣ шаріатомъ, который уже опредѣляетъ всѣ частности религіозно-нравственной и бытовой жизни мусульманъ. Въ томъ и другомъ, т.-е. въ Коранѣ и шаріатѣ, при абсолютномъ несовершенствѣ основныхъ ихъ принциповъ, при ихъ исключительности и узкости воззрѣніяхъ, далеко непрогрессивныхъ и часто совершенно не гуманныхъ, находится кромѣ того масса внутреннихъ противорѣчій, сбивающихъ честную и незнающую уклоненій и сдѣлокъ совѣсть. Ни тотъ, ни другой не указываютъ мусульманамъ совершеннаго нравственнаго и умственнаго идеала, къ которому послѣдователи ислама должны стремиться, не возбуждаютъ въ нихъ ни любознательности, ни критики, а подавляютъ всякое свободное проявленіе мысли и чувства. Отъ этого мусульмане и въ наше время продолжаютъ желать жить внѣ интересовъ цивилизованнаго міра, жить своею замкнутою жизнію, продолжаютъ думать, что „міръ ислама“ и „міръ войны“ не должны имѣть между собою ничего общаго, словомъ: продолжаютъ жить въ понятіяхъ арабовъ седьмаго вѣка, и только неотразимая сила европейской культуры насильственно будитъ ихъ, врываясь съ оружіемъ въ рукахъ въ это царство если не смерти, то глубокаго нравственнаго сна.

При всестороннемъ невѣжествѣ и нравственной дряхлости своей, мусульмане естественно часто руководятся въ своей жизни совершенно противорѣчивыми принципами, позволяя себѣ въ одномъ случаѣ одно, а въ другомъ—противное, находя каж-

[81]) Стр. 35–36.

дый разъ оправданіе себѣ въ законѣ. А главный недостатокъ Корана состоитъ въ томъ, что онъ не усвоилъ себѣ высокаго принципа евангельской любви къ Богу и ближнимъ. По отношенію къ Богу Коранъ любви и не заповѣдуетъ, а внушаетъ только рабскій страхъ къ грозному существу. Богъ Корана, за котораго такъ превозносятъ Мухаммеда западные ученые, есть по преимуществу Богъ Мухаммеда и мусульманъ, отличающійся характеромъ восточнаго неограниченнаго владыки. Между этимъ существомъ и его твореніемъ нѣтъ живой внутренней связи; Аллахъ не доступенъ не только для людей но и для ангеловъ; предъ нимъ, по выраженію Корана, все трепещетъ и преклоняется: даже тѣни всѣхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ добровольно и невольно поклоняются ему утромъ и вечеромъ [82]). Все въ мірѣ совершается по мановенію Божію неизмѣнно и постоянно; только чудеса на нѣкоторое время измѣняютъ міровую жизнь; чудесами Богъ вразумляетъ и караетъ людей безучастно, побуждаетъ ихъ къ добру и удерживаетъ отъ зла, не обращая вниманія на ихъ усовершеніе нравственное и такимъ образомъ не походитъ не только на евангельскаго Отца небеснаго, но и на ветхозавѣтнаго Іегову. Хотя Коранъ часто именуетъ Бога милостивымъ, милосердымъ и подобными словами, но міръ и человѣчество мало получаютъ отъ этого пользы; Аллахъ не перестаетъ быть грознымъ и самовластнымъ владыкою.

Такъ безучастно относящійся къ міру и людямъ Богъ, не обращающій вниманія на личное нравственное усовершеніе человѣка, не требуетъ отъ него свободной добродѣтели. Для такого божества все равно—благочестивъ человѣкъ или нѣтъ Богъ можетъ, когда захочетъ, низвергнуть праведника въ адъ въ то время, когда онъ уже поставилъ свою ногу на порогъ райской двери, и можетъ, если захочетъ, осужденнаго на мученія во адѣ нечестивца возвратить отъ воротъ ада и поселить въ раю [83]).

---

[82]) Гл. 51, ст. 56; гл. 13, ст. 14—16.

[83]) См. наприм. Корана гл. 35, ст. 9; гл. 39 ст.24. Съ такими мѣстами находятся въ противорѣчіи другія мѣста той же книги, въ которыхъ заповѣдуется мусульманамъ совершать дѣла благочестія. Ср. Сличенія махаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. Г. Саблукова (Казань. 1872) стр. 80—81.

При такомъ отношеніи къ Божеству человѣкъ естественно не заботится о внутреннемъ самоусовершеніи, какъ способѣ нравственнаго уподобленія божеству, чего Коранъ и не требуетъ; шаріатъ же предписываетъ человѣку точное неопустительное исполненіе обрядовъ вѣры, какъ бы въ доказательство покорности людей предъ невидимымъ грознымъ божествомъ. У мусульманъ нѣтъ личности нравственной, нѣтъ свободы и чѣмъ болѣе мусульманинъ хочетъ быть благочестивымъ, тѣмъ болѣе уничтожается онъ предъ лицомъ своего недоступнаго божества. „*Такъ Богъ хочетъ! Такъ Богу угодно! Богъ великій! Хвала Богу*“! вотъ обыкновенныя выраженія, какія постоянно произноситъ вѣрующій мусульманинъ по арабски и на основаніи которыхъ онъ располагаетъ свою религіозно-нравственную жизнь, превращаясь постепенно въ самаго завзятаго религіознаго лицемѣра. Любовь къ ближнимъ въ Коранѣ ограничивается только мусульманами: только *всѣ вѣрующіе въ Коранъ братья* — и друзья между собою [84]). Не вѣрующіе же въ Коранъ—враги мусульманъ, по отношенію къ которымъ можно и должно допускать все, начиная со лжи и обмана и кончая убійствомъ, чему первый примѣръ показалъ въ своей жизни самъ Мухаммедъ. *Геній* Мухаммеда не могъ осилить евангельской идеи о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, развитой у апостола Павла въ такихъ прекрасныхъ выраженіяхъ; во Христѣ нѣтъ еллина и іудея, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, варваровъ, рабовъ и свободныхъ [85])... Мухаммедъ не предугадалъ также, что его жалкимъ послѣдователямъ, которымъ онъ внушалъ религіозную гордость и презрѣніе ко всему немусульманскому, придется быть подвластными у *Божіихъ враговъ*. Шаріатъ, установленный во времена политическаго могущества мусульманъ, еще болѣе впалъ въ ту же ошибку непредусмотрительности, развивъ это же презрѣніе къ иновѣрцамъ. Въ такихъ негуманныхъ понятіяхъ воспитывались многія поколѣнія мусульманъ и въ своемъ религіозномъ ослѣпленіи окончательно разслабли нравственно. Недостатки мусульманскаго теократическаго правленія, опять-таки основаннаго на ученіи Корана, развили въ послѣдователяхъ ислама многіе пороки, отъ кото-

[84]) Коранъ, гл. 49, ст. 10; гл. 9, ст. 72.

[85]) Колос. гл. 3, ст. 11.

рыхъ какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлые народы естественно, по психологическому закону, отвыкаютъ трудно. Потребности натуры пылкой, грубой, ничѣмъ несдерживаемой и всегда имѣющей возможность отыскать въ противорѣчіяхъ Корана успокоительное для совѣсти изреченіе, мысль, двигали и двигаютъ мусульманъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя находятся уже въ противорѣчіи съ другими предписаніями религіи. Лжецъ, въ одномъ случаѣ оправдываемый закономъ, будетъ лгать и тогда, когда законъ этого не допускаетъ, потому что таковъ законъ психической дѣятельности человѣка. Мусульманинъ, считающій непредосудительнымъ и даже законнымъ давать ложныя показанія въ интересахъ мусульманина противъ иновѣрца [86]), не затруднится нарушить клятву и тогда, когда будетъ имѣть тяжбу и съ мусульманиномъ. Убійца иновѣрца сумѣетъ убить и единовѣрца. Воръ, обкрадывающій немусульманъ, будетъ обкрадывать и мусульманъ и т. д. Относительно разврата мусульманъ нужно сказать, что онъ составляетъ косвенное слѣдствіе ученія Корана, разрѣшившаго мусульманамъ многоженство и оправдывающаго сладострастіе Мухаммеда, о которомъ мусульмане съ благоговѣніемъ говорятъ, что онъ имѣлъ въ отношеніи женщинъ силу равную силѣ 40 мущинъ и тѣмъ превосходилъ между прочимъ всѣхъ другихъ пророковъ. Въ томъ же Коранѣ мусульманамъ обѣщанъ столь чувственный рай, что имъ грезятъ даже старики: рядомъ съ вѣчно-дѣвственными гуріями въ раю будутъ вѣчно-юные мальчики (Кор. гл. 76, ст.

---

[86]) „Незаконно, сказано въ Айну-ль-хайятъ (л. 242), говорить правду, которая можетъ нанести обиду вѣрующему (мусульманину) или опасность его жизни; и напротивъ законно и обязательно для насъ (мусульманъ) сказать ложь, когда этимъ вѣрующій можетъ быть спасенъ отъ смерти, отъ заключенія въ тюрьму или отъ какой-нибудь потери. И въ случаѣ, если вѣрующій (мусульманинъ) вручитъ намъ что-либо изъ своей собственности, а кто-нибудь, притѣсняющій его, требуетъ у насъ эту собственность вѣрующаго, мы обязаны даже съ клятвою утверждать, что у насъ нѣтъ ничего изъ собственности этого человѣка. Также законно сказать ложь таможенному чиновнику, угнетателю, судьѣ, если только за правду можно лишиться собственности... Сказано въ преданіи отъ Мухаммедда, что въ трехъ случаяхъ справедливо и хорошо говоритъ ложь, именно; дѣлая притворную измѣну на войнѣ, давая обѣщанія женщинѣ и устраивая миръ между людьми“ См. Правосл. Собесѣдн. 1875 г. ст. „Характеръ и вліяніе ислама“.

92

19), напоминающіе среднеазіатскихъ современныхъ бачей. . Наконецъ шаріатъ, такъ откровенно до циничности трактующій о разныхъ случаяхъ половой жизни, законныхъ и незаконныхъ, развращаетъ молодой умъ изучающихъ его юношей, часто въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная примѣрно эту работу лѣтъ съ 16—18-ти, съ того возраста, который считается особенно опаснымъ въ жизни человѣка. Короче сказать: мусульмане часто развращаютъ свое воображеніе соблазнительными картинами и представленіями съ дѣтства, когда начинаютъ учиться грамотѣ [87]) и поддерживаютъ въ себѣ сладострастное настроеніе до самой смерти, постоянно мечтая о раѣ и множествѣ гурій... А разъ пылкое воображеніе съ дѣтства развращено и поддерживается условіями полигамической жизни и разными вздорными книжками, которыя по преимуществу и распространены въ народной массѣ,—то естественно сладострастію искать исходъ въ неестественныхъ порокахъ, естественно тѣмъ болѣе, что женщина мусульманская совершенно изгнана изъ общества мущинъ, низведена на степень самки и лишена всякой возможности, по своему безправію, вліять облагороживающимъ образомъ на грубыя и разнузданныя страсти мущинъ. А въ этомъ послѣднемъ случаѣ опять-таки виноватъ прежде и болѣе всего самъ Мухаммедъ, изъ-за личной ревности къ своимъ женамъ (которыхъ у него было болѣе десяти) установившій въ Коранѣ законъ о покрывалахъ, чтобы такимъ образомъ лучше сохранить чистоту сердецъ мущинъ и женщинъ, которыя могутъ открывать свои лица только при отцахъ своихъ, при сыновьяхъ, при братьяхъ и сыновьяхъ своихъ и при женахъ сыновей, а также при невольникахъ. Покрывала эти должны плотнѣе закрывать женщинъ: тогда онѣ не будутъ узнаваемы и потому не будутъ оскорбляемы [88]). Основатель ислама узаконилъ [89]). и своимъ примѣромъ освятилъ многоженство, которое развращаетъ и мужинъ, и женщинъ, способствуя развитію въ ихъ сердцахъ отвратительныхъ

---

[87]) Въ этомъ случаѣ обыкновенно вліяютъ старшіе ученики школъ на младшихъ, особенно при условіяхъ жизни учащихся въ самыхъ заведеніяхъ. Примѣръ такого вліянія представленъ выше.

[88]) Коранъ, гл. 33, ст. 53—59; гл. 24, ст. 31.

[89]) Коранъ, гл. 4. ст. 3.

свойствъ и пороковъ [90]). Гдѣ же, спрашивается, естественность, простота, либеральность, прогрессивность, возвышенность, чистота и даже превосходство основанной Мухаммедомъ религіи предъ религіей Іисуса? Мы не находимъ въ исламѣ не только абсолютныхъ достоинствъ и превосходства предъ христіанствомъ, но не можемъ допустить и того, чтобъ эта религія благодѣтельно дѣйствовала на языческія полудикія населенія Азіи и Африки, уже потому, что народы принимающіе исламъ, къ какому бы племени они не принадлежали, умираютъ для христіанства: изъ всякой другой религіи переходъ въ христіанство возможенъ, но не изъ ислама, хотя примѣры этого и бывали. А думать, что для христіанства полудикіе обитатели Азіи и Африки мало развиты и неспособны—совершенно нѣтъ основаній, ни историческихъ, ни теоретическихъ. „Въ томъ-то, по словамъ нашего авторитетнаго педагога-философа К. Д. Ушинскаго, величайшая заслуга христіанства предъ цивилизаціей, каково бы ни было наше міросозерцаніе, что христіанство кореннымъ образомъ измѣнило природу человѣка и отношенія человѣка къ человѣку, *не требуя для этого ни высокой цивилизаціи, ни особенныхъ знаній, ни особенно развитаго ума*: нѣсколькими словами, понятными для народа, *ставило оно дикаря выше образованнѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей классическаго міра* [91]). Евангельскія истины имѣютъ то именно преимущество, что всегда могутъ быть доступны человѣческому сердцу, созданному для истины и всегда могутъ быть легко приняты людьми. Первыми послѣдователями Іисуса Христа были именно люди простые, дѣти сердцемъ: *таковыхъ бо есть царствіе Божіе*. И современные намъ образованные народы христіанской Европы были всѣ полудикарями въ моментъ принятія ими христіанства, а съ принятіемъ послѣдняго они выступили на путь цивилизаціи и достигли наконецъ настоящаго своего могущества и славы въ жизни и наукѣ. Поэтому считать исламъ болѣе удобной религіей для населеній Азіи и Африки значитъ считать ихъ неспособными къ развитію, цивилизаціи и прогрессу, во имя которыхъ англичане стремят-

[90]) См. соч. М. Машанова: „Мухамеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ“... (Казань. 1876) стр. 155—236.

[91]) Собраніе педагогическихъ сочиненій. Спб. 1875. стр. 507.

ся однако покорить все, что дико и невѣжественно... Это не логично! Въ вопросахъ вѣры нельзя упускать изъ виду того соображенія, что религія есть преимущественно дѣло сердца, а не ума; отъ этого упущенія зависятъ часто тѣ противорѣчія, въ какія невольно впадаютъ люди, рѣшившіе законы сердца отожествить съ законами ума. И въ данномъ случаѣ, нельзя забывать, что исламъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и внутреннихъ противорѣчіяхъ, есть *религія*, а не научная система и что поэтому при сужденіяхъ объ исламѣ нужно имѣть въ виду болѣе законы человѣческаго сердца, чѣмъ ума. Религія никогда не была и быть не можетъ безъ обрядовъ и видимыхъ вообще дѣйствій, которыя тѣмъ болѣе ей свойственны, чѣмъ проще человѣческая душа ее исповѣдующая. И наше православіе, столь часто подвергающееся нападкамъ за свою внѣшнюю сторону, этою именно стороною и дѣйствуетъ успѣшно на душу простыхъ людей. Каждый непредубѣжденный человѣкъ естественно, при видѣ православнаго богослуженія, можетъ сказать, подобно современникамъ Владиміра святаго, что подобнаго успокоительнаго чувства онъ никогда еще въ своей душѣ не ощущалъ, можетъ почувствовать себя на небѣ, а не на землѣ. Что же даетъ исламъ еще болѣе простымъ сердцамъ полудикихъ и дикихъ обитателей Азіи и Африки? Сухую разсудочную вѣру, переполненную внутренними противорѣчіями и все-таки не обошедшуюся безъ обрядовъ... Въ исламѣ нѣтъ церкви, нѣтъ таинствъ, а такою религіей не можетъ удовлетворяться восточный человѣкъ и потому онъ ищетъ успокоенія въ сумасбродныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ движеніяхъ дервишей. Поэтому мы видимъ, что простодушные, неиспорченные еще нравственно киргизы, принявшіе кое-что пока изъ ислама, продолжаютъ вѣровать въ своихъ шамановъ, всецѣло отдаются ихъ руководству, съ полною вѣрою относясь къ ихъ заклинаніямъ и гаданіямъ. Отсюда же надо объяснить и тотъ многознаменательный фактъ, что киргизы, принимая исламъ, не могутъ отстать отъ своихъ старыхъ привычекъ идущихъ часто въ совершенный разрѣзъ съ предписаніями Корана и шаріата: исламъ безсиленъ переродить человѣческое существо въ лучшемъ нравственномъ смыслѣ слова, онъ можетъ и успѣваетъ обезличить каждаго принимающаго его, изсушить въ каждомъ своемъ прозелитѣ непосредственное ре-

лигіозное чувство, сдѣлать каждаго инородца *мусульманиномъ*, уничтоживъ въ немъ все народное индивидуальное и не давая взамѣнъ этого ничего лучшаго. Но утверждать, что исламъ проводитъ въ жизнь азіатцевъ и африканцевъ христіанскія идеи—нелѣпо само по себѣ, а тѣмъ болѣе, когда говоритъ это образованный европеецъ-христіанинъ. Слышать отъ умнаго и образованнаго турка (Мидхадъ-паша) завѣренія въ томъ, что исламъ выше христіанства, нестранно, потому что турокъ-мусульманинъ, и даже естественно, особенно когда припомнишь, что турокъ говоритъ это въ минуту всевозможныхъ нападокъ на его отчизну со стороны Европы христіанской, но читать въ книгѣ ученаго англичанина конца XIX столѣтія, что исламъ, какъ религія выше христіанства, что прогрессивное ученіе Корана никогда не падетъ отъ вліянія европейской цивилизаціи,—было-бы только смѣшно, если-бы не было грустно... Было время, когда объ исламѣ распространяли всевозможныя фабулы; теперь настало время, что исламъ возвеличиваютъ до небесъ и хотятъ выдавать его за образецъ религіозной системы. Недостаетъ одного—обращенія въ исламъ со стороны его защитниковъ, а это не невозможно для англичанъ и французовъ и др.; подобные случаи бывали къ стыду христіанской культуры и къ удовольствію мусульманъ, наивно убѣжденныхъ до сихъ поръ, что всѣ лучшіе въ мірѣ люди непремѣнно мусульмане въ душѣ и съ охотою готовы перемѣнить свою вѣру на исламъ при первомъ благопріятномъ случаѣ... Мы не говоримъ о временахъ минувшихъ, а напомнимъ читателямъ о фактахъ современныхъ. Въ настоящее время при турецкомъ султанѣ находятся въ числѣ адъютантовъ два бывшіе христіанина: австріецъ *фонъ-Гелле*, и бельгіецъ *де-Лобелль*. Первый былъ военнымъ агентомъ при австрійскомъ посольствѣ и принялъ исламъ по собственному желанію, чтобы пользоваться въ супружествѣ всѣми тѣми привиллегіями, какія Мухаммедъ даровалъ своимъ послѣдователямъ. Второй—бельгійскій капитанъ, отецъ котораго состоялъ или даже состоитъ первымъ адъютантомъ при королѣ Леопольдѣ. Высокій ростомъ и стройный собой, де-Лобелль носитъ теперь франтовски турецкую феску и когда сопровождаетъ султана въ мечеть, то служитъ, естественно, предметомъ любопытства сыновъ и дщерей Мухаммеда. Имѣя мать мусульманку, ему не трудно было на-

писать султану: „имѣя уже связи съ исламомъ, онъ сочтетъ себя счастливымъ, если скрѣпитъ ихъ“. На вопросъ султана: такъ вы намѣреваетесь сдѣлаться мусульманиномъ? бывшій христіанинъ-европеецъ *робко* отвѣтилъ: „*да*, ваше величество“—и имамъ при помощи цирульника превратилъ христіанина въ мусульманина [91]). Обращенія европейцевъ въ исламъ прежнихъ временъ были не менѣе любопытны, потому что всѣ они были совершены изъ-за личныхъ выгодъ, помимо всякихъ чисто-религіозныхъ соображеній и убѣжденій, какъ бы въ доказательство совершеннаго заблужденія мусульманъ на счетъ того, что всѣ лучшіе люди въ мірѣ—мусульмане въ душѣ. Но для массы мусульманъ важенъ самый фактъ, а не основанія, лежащія внѣ этого факта. Христіанинъ, да еще не простой смертный, принялъ исламъ; значитъ Мухаммедъ своимъ предстательствомъ предъ престоломъ Божіимъ располагаетъ сердца заблуждающихся невѣрныхъ къ единой истинной и самой лучшей религіи на землѣ.

Н. Остроумовъ.

[91]) „Москов. Вѣдомости“ 1880 г. № 11, стр. 3, ст. „Дворецъ Абдулъ-Гамида.“